

Тёмный ручей

Автор:

[Рейчел Кейн](#)

Тёмный ручей

Рейчел Кейн

Бестселлер Amazon Мёртвое озеро #2

Прямо сейчас, пока вы читаете этот текст, сотни серийных убийц разгуливают на свободе. А что, если один из них – ваш муж? Что бы сделали вы, узнав, что в течение многих лет спите в одной постели с монстром? Каждый раз, когда Гвен закрывала глаза, она видела его в своих кошмарах. Сейчас ее глаза открыты – но он не исчезает... Гвен Проктор выиграла битву. Битву за своих детей против бывшего мужа, серийного убийцы Мэлвина Ройяла. Но война еще не окончена – с тех пор как Мэлвин бежал из тюрьмы. С тех пор как она получила это жуткое послание... Теперь вам нигде не укрыться. Убежище на озере Стиллхауз стало ловушкой. Но Гвен и не думает отсиживаться там. Она, как никто, знает: лучшая защита – это нападение. В конце концов, Мэлвин презрительно называл ее слабой и никчемной. Он хотел, чтобы она стала сильной? Что ж, пора открывать сезон охоты на серийных убийц...

Рейчел Кейн

Тёмный ручей

Rachel Caine

KILLMAN CREEK

Text copyright © 2018 by Roxanne Conrad. All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Перевод на русский язык, М. В. Смирнова, 2018

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

1

Гвен

В двенадцатую ночь после побега моего бывшего мужа из тюрьмы я лежу в постели. Не сплю. Наблюдаю за игрой света и тени на занавесках. Я лежу на узкой раскладушке и сквозь тонкий матрас чувствую каждый виток пружин. Мои дети, Ланни и Коннор, занимают две полноразмерные кровати в этом среднем по цене номере мотеля. Средняя цена – самое большее, что я могу позволить себе сейчас.

У меня новый телефон. Очередной, предназначенный со временем в расход, с таким же новым номером. Только у пяти человек есть этот номер, и два из них сейчас спят в этой комнате.

Я не могу доверять никому за пределами этого исчезающе малого круга. Все, о чем я могу думать, это темный силуэт мужчины, который перемещается в ночи – шагом, не бегом, потому что я не верю, что Мэлвин Ройял будет бежать, несмотря на то что половина полиции в стране охотится на него. И еще я думаю о том, что он идет за мной. За нами.

Мой бывший муж – монстр, и я полагала, что он надежно упрятан в тюрьму в ожидании казни... но даже из-за решетки Мэлвин вел кампанию устрашения против меня и наших детей. О да, у него были помощники – как внутри тюрьмы, так и за ее пределами; еще не выяснено, насколько широка была эта сеть. Но, помимо этого, у него был план. При помощи точно нацеленных угроз и запугиваний он загонял нас туда, куда ему было нужно: в ловушку. Мы выжили в этой ловушке, но едва-едва.

Мэлвин Ройял преследует меня в короткие мгновения темноты, когда я закрываю глаза. Миг – и он на этой улице. Миг – и он поднимается по лестнице мотеля на открытую галерею второго этажа. Миг – и он уже за дверью. Прислушивается.

Жужжание, сообщающее о том, что на мой телефон пришло текстовое сообщение, заставляет меня вздрогнуть – с такой силой, что это причиняет боль. Я хватаю телефон. Комнатный обогреватель издает дребезжание; несмотря на громкость, работает он неплохо, и тепло плывет по комнате медленной приятной волной. Я признательна за это. Одежда на этой раскладушке слишком тонкие.

Протираю глаза и сосредотачиваю взгляд на экране телефона. Там высвечиваются слова: Номер не определен. Я выключаю телефон и кладу под подушку, пытаюсь убедить себя, что уснуть сейчас будет безопасно.

Однако я знаю, что это не так. Я знаю, кто пишет мне. И мне кажется, что двойного замка? на двери номера недостаточно для безопасности.

Двенадцать дней назад я спасла своих детей от убийцы. Я устала, ранена, меня мучают головные боли. Я испугана, измотана, встревожена и, самое главное – самое главное, – я зла. Мне нужно быть злой. Эта злость сможет сохранить нам жизнь.

«Как ты смеешь? – думаю я, обращаясь к телефону под подушкой. – Как ты смеешь, мразь?!»

Доведя свою ярость до температуры кипения, так что она почти причиняет мне боль, я сую руку под подушку и снова достаю телефон. Моя злость – мой щит. Моя злость – мое оружие. Я, не дрогнув, вывожу сообщение на экран, готовая к

тому, что в нем написано.

Но я ошибаюсь. Это сообщение не от моего бывшего мужа. В нем говорится:

ТЕПЕРЬ ВАМ НИГДЕ НЕ УКРЫТЬСЯ.

И после него идет знакомый мне символ:

?.

«Авессалом».

Потрясение разбивает мою злость на острые осколки, разбрасывая их горячими электрическими уколами по моим рукам и груди – как будто сам телефон бьет меня током. У моего мужа был помощник – помощник, манипулировавший нами, способствовавший похищению моих детей. И этим помощником был Авессалом... искусный хакер, который обманом привел меня в ловушку, подстроенную Мэлвином. Я осмеливалась надеяться, что, возможно, после краха этого плана Авессалом больше не будет угрозой для нас.

Это была слишком глупая надежда.

На мгновение я ощущаю прилив неприкрытого животного ужаса, будто все детские страхи перед привидениями внезапно сбылись, а потом делаю глубокий, медленный вдох и снова пытаюсь думать, прорываясь через невозможность справиться со всем этим. Я виновна лишь в том, что защищалась от человека, который хотел убить меня, который за несколько лет завоевал мое доверие и постепенно вел меня к месту, назначенному для моего убийства.

Но это не заставляет сообщение исчезнуть с экрана телефона.

Авессалом работает не один. Чертов хакер направил по нашему следу кого-то еще. Эта мысль пронзает меня точно удар молнии. Во рту пересыхает, по всем

нервам одновременно проносится электрический импульс, потому что я понимаю – это действительно так. Что-то беспокоило меня все эти долгие дни, пока мы прятались и переезжали ради собственной безопасности... чувство, что за нами по-прежнему наблюдают. Я списывала это на паранойю.

Но что, если это вовсе не паранойя?

Я пытаюсь встать как можно тише, но раскладушка скрипит, и я слышу, как Ланни, моя дочь, шепчет:

– Мама?

– Всё в порядке, – шепчу я в ответ.

Встаю и сую ноги в ботинки. Я полностью одета – в удобные штаны, свободный свитер и толстые носки; поверх этого я надеваю наплечную кобуру и парку, потом отпираю дверь и выхожу на галерею.

В Ноксвилле пасмурно и холодно. Я не привыкла к яркому городскому освещению, но сейчас оно меня немного успокаивает. Я не ощущаю полной оторванности от всего мира. Вокруг люди. Если я закричу, меня услышат.

Звоню по одному из номеров, записанных в моем телефоне. Трубку снимают после первого же гудка, и я слышу вечно усталый голос детектива Престера из полицейского управления Нортон – городка, расположенного вблизи того места, где мы жили... нет, живем, потому что мы вернемся в Стиллхауз-Лейк, клянусь. Этот голос произносит:

– Мисс Проктор, время уже позднее.

Похоже, он совершенно не рад звонку от меня.

– Вы на сто процентов уверены, что Лэнсел Грэм мертв?

Это странный вопрос, и я слышу скрип – вероятно, это скрипит офисное кресло, на спинку которого откинулся Престер. Смотрю на свои часы. Второй час ночи. Я гадаю, почему Престер еще на работе. Нортон – маленький сонный городок, хотя

и там полиции приходится иметь дело с некоторым количеством преступлений. Престер – один из двух детективов в составе управления.

А Лэнсел Грэм носил форму полицейского офицера и служил в Нортонском управлении.

Престер отзывается неспешно и настороженно:

– У вас есть некая веская причина думать, что это не так?

– Он. Действительно. Мертв?

– Мертвее не бывает. Я видел, как из его трупа на столе патологоанатома извлекали органы. Почему вы спрашиваете об этом... – Он ненадолго умолкает, потом издает стон, как будто тоже только что взглянул на часы. – В такое время суток?

– Потому что меня напугала очередная эсэмэска с угрозами.

– От Лэнсела Грэма?

– От Авессалома.

– А-а-а... – Он тянет это с таким выражением, что я немедленно настораживаюсь. Мы с детективом Престером не друзья. Мы, грубо говоря, союзники, да и то до некоторой степени. Он не совсем доверяет мне, и я не могу винить его в этом. – Кстати, об этом... Кеция Клермонт кое-что раскопала и говорит, что это, возможно, не совсем «он». Скорее «они», по всей видимости.

Я уважаю Кецию. Она была напарницей Лэнсела Грэма в патрулировании – по крайней мере, некоторое время, – но, в отличие от Грэма, Кеция кристально честна. Должно быть, для нее было невероятным потрясением узнать, что ее напарник был убийцей.

Однако не настолько сильным, как для меня.

Все это заставляет мой голос звучать напряженно и сердито:

– Какого черта вы не сказали мне это? Вы же знаете, что я уехала вместе с детьми!

– Не хотелось заставлять вас паниковать, – отвечает Престер. – Пока никаких доказательств, только подозрения.

– Неужели за то время, что вы знаете меня, детектив, вы обнаружили во мне склонность к слепой панике?

Он оставляет это без комментариев, поскольку знает, что я права.

– Я по-прежнему считаю, что вам лучше было бы вернуться в Нортон и позволить нам защищать вас.

– Мой муж превратил одного из ваших копов в убийцу. – Мне приходится проглотить комок тошнотворной ярости. – И вы оставили этого копа наедине с моими детьми, помните? Бог весть, что он мог бы сотворить с ними. Так с какой радости я должна считать, что с вами они будут в безопасности?

Я по-прежнему не знаю всего, что делал Лэнсел Грэм, когда похитил моих детей. Ни Коннор, ни Ланни ничего не сказали мне об этом, и я понимаю, что давить на них не следует. Они пережили травму, и хотя обследование в больнице показало, что мои дети в добром здравии и что физического вреда им нанесено не было, я до сих пор гадаю, какие раны нанесены их психике. И как эти раны скажутся на их будущем.

Потому что Мэлвин Ройял хочет сломать их, переделать по-своему, придать им задуманную им форму. Это те деяния, в которых он находит глубокое, неизбывное удовольствие.

– От Мэлвина что-нибудь слышно? – спрашиваю я.

«От Мэла», – поправляет слабый голос внутри меня, робкий и призрачный, но все еще различимый. Ему не нравилось, когда его называли Мэлвином, только Мэлом, вот почему теперь я неизменно называю его только полным именем. Пусть и крошечная власть – все равно власть.

– Повсюду проходят облавы, и семьдесят пять процентов тех, кто сбежал, уже снова сидят за решеткой.

– Но не он.

– Нет, – соглашается Престер. – Не он. Пока еще нет. Вы планируете продолжать убегать до тех пор, пока его не поймают?

– Это мы и планировали, – подтверждаю я. – Но план только что изменился. Если у Авессалома есть еще люди, которых он может послать за нами, то они нас найдут. Именно этого он и хочет. Вот почему дал о себе знать. Бегство лишь продлит этот кошмар, и это означает, что я не контролирую свою жизнь. Но я не отдам ему этот контроль. Никогда больше.

Снова раздается скрип офисного кресла. На сей раз я почти уверена, что Престер подался вперед.

– Тогда какого черта вы намерены делать, Гвен?

Он продолжает называть меня так, по моему новому имени, и я признательна за это. Женщина, которую звали Джина Ройял, жена особо тяжкого серийного убийцы, мертва – еще один труп, который оставил позади себя Мэлвин. И ей лучше оставаться мертвой. Теперь я – Гвен. А Гвен не согласна больше терпеть это дерьмо.

– Не думаю, что это вам понравится, поэтому не буду посвящать вас в подробности. Спасибо вам, детектив. За всё. – И я почти искренна в этом.

Прежде чем он успевает задать еще какие-нибудь вопросы, я обрываю звонок, кладу телефон в карман своей парки и пару минут стою на сыром, пробирающем до костей ветру. Ноксвилл никогда полностью не засыпает на ночь; я улавливаю обрывки мелодий из проезжающих по улицам машин, вижу тени людей, движущиеся за занавесками в других номерах мотеля. По другую сторону двора сквозь проем незадернутых штор мерцает телевизор. Над головой пролетает самолет, разрывая небо гулом.

Я слышу, как дверь в комнату открывается и на галерею выходит Ланни. Она надела ботинки и куртку, но под ними все еще виднеется пижама. Это слегка ослабляет мою тревогу. Если б она переделалась в джинсы и свободную фланелевую рубашку и обулась в кроссовки, это было бы знаком того, что она боится.

- Сопляк все еще дрыхнет, - извещает Ланни, наваливаясь на перила рядом со мной. - Скажи мне.

- Ничего такого не было, детка.

- Не вешай мне лапшу на уши, мама. Ради «ничего» ты не станешь вылезать из постели и выходить за дверь, чтобы кому-то позвонить.

Я вздыхаю. На галерее достаточно холодно, чтобы мое дыхание породило слабую струйку белого пара.

- Я беседовала с детективом Престером.

Вижу, как сжимаются ее пальцы, лежащие на перилах, и жалею, что не могу забрать у нее этот страх, это постоянное и всепоглощающее ощущение давления. Но - не могу. Ланни не хуже всех остальных знает, насколько опасна сейчас ситуация. Она знает почти все о своем отце. И мне приходится полагаться на то, что в свои хрупкие почти пятнадцать лет она выдержит этот вес.

- А-а, - произносит моя дочь. - Это насчет него?

«Него» - ее отца, конечно же. Я отвечаю ей слабой улыбкой, надеясь хоть немного подбодрить.

- Пока никаких новостей. Вероятно, он уже далеко отсюда. На него охотятся. Большинство тех заключенных, вместе с которыми он бежал, уже схвачены. Скоро он снова окажется за решеткой.

- Ты в это не веришь.

Не верю. Я не хочу лгать дочери, поэтому просто меняю тему.

- Тебе нужно снова лечь спать, солнышко. Мы выезжаем рано утром.

- Уже почти утро. Куда мы едем?

- Куда-нибудь в другое место.

- И так теперь будет всегда? - В ее голосе звучит тихая ярость. - Боже мой, мама, ты только и делаешь, что убегаешь. Мы не можем позволить ему так поступать с нами. Только не снова. Я не хочу убегать. Я хочу сражаться.

Хочет. Конечно же хочет. Ланни - отважная девочка, которая в возрасте всего лишь десяти лет была вынуждена узнать отвратительную правду о своем отце. Неудивительно, что она все еще злится.

И она права.

Я поворачиваюсь к ней, и дочь изгибает шею, чтобы посмотреть мне в лицо. Не отводя взгляда, говорю:

- Мы будем сражаться. Но завтра вы отправитесь в безопасное место, чтобы я могла свободно делать то, что должна сделать. И прежде, чем ты начнешь со мной спорить: мне нужно, чтобы ты осталась со своим братом и убедилась, что он под надежной защитой. Это твоя работа, Ланни. Это твое сражение. Хорошо?

- Хорошо? Теперь ты хочешь скинуть нас на кого-то другого? Нет, я так не согласна! Пожалуйста, пусть это хотя бы будет не бабушка!

- Я думала, ты любишь свою бабушку...

- Я и люблю. Как бабушку. Ты хочешь, чтобы мы были в безопасности? Она не сможет защитить нас. Она никого не сможет защитить.

- Я собираюсь сделать так, чтобы ей и не пришлось никого защищать. Пока что ваш отец будет искать меня - это его первый приоритет.

Молюсь, чтобы это было правдой. Это огромный риск, но я могу довериться присмотр за моими детьми лишь узкому кругу людей. Моим первым порывом было отвезти их к моей матери, но, должна признать, моя дочь права. Их бабушка – не боец. Она не такая, как мы. Опасность, которая грозила им прежде, не идет ни в какое сравнение с нынешней.

Я еще не сказала этого Ланни, потому что мне нужно все как следует обдумать, но Хавьер Эспарца и Кеция Клермонт предложили в случае необходимости взять на себя охрану моих детей. Эти двое – надежные люди. Хавьер – морпех в отставке и руководит стрелковым тиром; Кеция – офицер полиции, умная, способная и отважная.

Проблема в том, что они живут в пригороде Нортон, относительно недалеко от Стиллхауз-Лейк. Этот красивый заповедный уголок когда-то казался мне надежным убежищем, но потом он превратился в ловушку, и теперь я не знаю, смогу ли когда-нибудь снова чувствовать себя в безопасности там. И уж точно мы не можем вернуться в наш дом у озера: там мы будем слишком легкими целями.

Однако дом Хавьера находится далеко от озера. Это уединенная и хорошо охраняемая хижина, и я интуитивно верю, что Мэлвин и Авессалом будут искать нас где угодно, только не там, откуда мы недавно сбежали.

– Ты оставляешь нас с Сэмом? – спрашивает Ланни.

– Нет, потому что Сэм едет со мной, – отвечаю я ей. Я еще не спросила его об этом, но знаю, что он поедет: он хочет отыскать Мэлвина Ройяла так же отчаянно, как и я, и тоже по личным причинам. – Мы с Сэмом собираемся найти твоего отца и остановить его прежде, чем тот причинит вред кому-нибудь еще. Прежде чем хотя бы подумает о том, чтобы обидеть тебя и твоего брата. – Я даю ей время обдумать это, потом продолжаю: – Мне нужна твоя помощь, Ланни. Это лучший выбор, какой у нас есть, если мы больше не хотим снова убегать и прятаться. Мне это нравится не больше, чем тебе. Поверь, пожалуйста.

Она отводит взгляд и с деланным равнодушием пожимает плечами.

– Конечно. Как угодно. Но ты по-прежнему заставляешь нас делать это.

Прежде бегство было для нас необходимостью. В то время это было правильно. Но я понимаю, как невероятно тяжело двум моим детям жить в постоянной настороженности.

– Мне ужасно жаль, солнышко.

– Знаю, – произносит Ланни наконец и с этими словами неожиданно обнимает меня – всего на одно мгновение, – а потом возвращается обратно в номер.

Я некоторое время продолжаю стоять на холоде, размышляя, потом набираю телефонный номер Сэма Кейда и говорю:

– Я снаружи.

Примерно через минуту он уже выходит на узкую галерею второго этажа: его номер расположен рядом с нашим. Как и я, Сэм полностью одет. Готов к сражению. Он опирается на перила на том же самом месте, где стояла Ланни, и говорит:

– Полагаю, это не было приглашением на свидание.

– Очень смешно, – отзываюсь я, бросая на него взгляд искоса. Мы не любовники. Хотя можно сказать, что в каком-то смысле мы близки друг другу. Думаю, что в конечном итоге мы можем прийти окольными путями и к телесной близости, но никто из нас, похоже, не торопится с этим. Слишком много всего на нас давит. Я – бывшая жена серийного убийцы, надо мной постоянно висит угроза со стороны ненавистников Мэлвина, его союзников и просто бездельной своры интернет-преследователей.

А Сэм... Сэм – брат одной из жертв моего бывшего мужа. Последней жертвы Мэлвина. Я все еще явственно вижу перед собой тело этой несчастной девушки, висящее в проволочной петле. Замученной и убитой из чисто садистского удовольствия.

Между нами все сложно. Изначально, познакомившись с Сэмом, я считала его просто дружески настроенным посторонним человеком, не имеющим никакого отношения к моей прежней жизни. Но когда обнаружила, что он намеренно

выслеживал меня, преследовал меня в надежде найти свидетельства моей причастности к преступлениям моего мужа... это едва не разрушило все уже возникшее между нами.

Сэм знает, что я невиновна и никогда не была виновна, но между нами все еще зияют глубокие трещины, и я не знаю, как заполнить их – и нужно ли. Я нравлюсь Сэму. Сэм нравится мне. Я думаю, в другой жизни, где между нами не стояла бы омерзительная тень Мэлвина Ройяла, мы могли бы быть счастливы вместе.

Но сейчас мои стремления ограничены тем, чтобы выжить самой и обеспечить выживание своих детей. Сэм – лишь средство для достижения этой цели.

Слава богу, он это отлично понимает. И, уверена, расценивает меня точно так же.

– Что случилось? – спрашивает Сэм; я достаю из кармана телефон, вывожу на экран эсэмэску и показываю ему. – Черт. Но ведь Грэм мертв, верно? – Я слышу в его голосе точно такое же замешательство, которое чувствовала недавно. Но Сэм приходит в себя быстрее. – Они послали кого-то еще?

– Может быть, даже не одного, – отвечаю я. – Престер говорит, что «Авессалом» – это, скорее всего, группа хакеров, и кто знает, сколько человек работает на них? Теперь нам нужно быть еще осторожнее. Я выброшу этот телефон и куплю новый. Заплатим наличными, будем стараться не попадать в поле зрения камер.

– Гвен, я так больше не могу. Скрываясь, мы ничего...

– Мы не скрываемся, – возражаю я. – Мы охотимся.

Он выпрямляется и поворачивается ко мне лицом. Сэм не отличается мощным телосложением и высоким ростом, однако он жилист и достаточно силен, и, я знаю, способен постоять за себя в драке. Но еще важнее – и сейчас это для меня главное и единственное, – я знаю, что могу доверять ему. Он не подсыл Мэлвина и никогда им не будет. Сейчас я могу сказать такое об очень небольшом количестве людей.

- Наконец-то, - говорит Сэм. - А дети?

- Я позвоню Хавьеру. Он уже предлагал взять их к себе, и мы можем доверять ему.

Сэм кивает, еще не дослушав.

- Оставлять их рискованно, - говорит он, - но не настолько, как пытаться защитить их, пока мы отслеживаем Мэлвина. Звучит разумно. Ты уже сказала детям?

- Нет, - отвечаю я. - Но они с этим согласятся.

Это уже из области предположений.

- Ты уверена? - довольно мягко интересуется Сэм. - Мы можем поручить это копам. ФБР. Вероятно, так и следовало бы сделать.

- Они не знают Мэлвина. И не понимают Авессалома. Если «Авессалом» - это целая группа, они могут бесконечно прятать Мэлвина и одновременно отслеживать нас. Мы не можем позволить себе ждать, Сэм. От игры в прятки не будет никакого толка. - Я резко вдыхаю холодный воздух и выдыхаю теплое облачко белого пара. - И, кроме того, я хочу поймать его. А ты?

- Ты же знаешь, что хочу. - Он окидывает меня бесстрастным взглядом. Оценивает напарницу-солдата. - Ты уверена, что тебе не нужно еще отдохнуть?

Я с резковатым смешком отвечаю:

- Отдохну в могиле. Если мы хотим добраться до Мэлвина прежде, чем это сделают копы, нам нужно быть выносливее его, быстрее, умнее. И нам понадобится помощь. Информация. Ты как-то раз сказал, что у тебя есть друг, который может помочь, верно?

Он кивает. На его челюсти играют желваки, глаза сухо блестят. Обычно по лицу Сэма трудно что-либо прочесть, но сейчас я вижу как на ладони весь его гнев, все его горе. Мэлвин на свободе, Мэлвин может отслеживать и убивать

девушек – таких же, как сестра Сэма. И Мэлвин будет убивать – снова и снова. Если я и знаю что-то о своем бывшем муже – так это то, что он захочет дать выход своей эгоистичной, убийственной, садистской ярости.

За ним охотится ФБР. За ним охотится полиция всех штатов, примыкающих к Канзасу. Но вряд ли они прижмут его где-то на Среднем Западе, потому что я уверена: первым делом он направился на юго-восток, за нами.

«Авессалом» выследил нас досюда, и это означает, что Мэлвин не направится на другой конец страны или за границу, в какую-нибудь страну, откуда нет выдачи. Быть может, пока он еще не здесь, но он идет за нами. Я чую это. Инстинкт.

– Мы отбываем в семь утра, – сообщаю Сэму. – Я хочу, чтобы дети еще немного отдохнули. Хорошо? – Смотрю на свой телефон. – Я позвоню Кеции и Хавьеру, чтобы они всё подготовили.

Одним быстрым движением Сэм выхватывает у меня телефон и сует в свой карман.

– Если у «Авессалома» есть этот номер, ты не можешь использовать его, чтобы договориться об убежище для детей, – произносит он, и я немедленно понимаю, что сделала глупость, не подумав об этом. Должно быть, я устала сильнее, чем мне казалось. – Я сотру все звонки и контакты и оставлю его там, где кто-нибудь сможет его украсть. Пусть лучше он будет включен и на некоторое время направит «Авессалома» по ложному следу. – Он кивает на ту сторону улицы, в сторону ярко освещенного магазина. – Я куплю новый телефон, мы позвоним с него Хавьеру и сразу же выбросим. Другие телефоны мы будем покупать подальше отсюда: это первое место, где «Авессалом» станет отслеживать покупки.

Он прав по всем пунктам. Теперь мне необходимо думать как охотнику, но я не могу забыть, что я также и добыча. Мэлвин сделал меня уязвимой, заманивая туда, где он хотел меня найти. Теперь нам нужно сделать то же самое с ним.

Годами я цеплялась за жуткую иллюзию брака – за жизнь, в которой Мэлвин Ройял контролировал каждый аспект моей реальности, и я не понимала этого, не боялась этого. Джина Ройял, прежняя я, уязвимая я... она и дети были маскировкой, которой Мэлвин прикрывал свою ужасную тайную жизнь. Живя по

свою сторону стены, я знала лишь то, что все выглядит совершенно обычным и нормальным. Но оно никогда не было таковым, и теперь, оставив Джину Ройял в прошлом, я отчетливо вижу это.

Я больше не Джина. Джина была нерешительной, беспокойной и слабой. Джина боялась бы того, что Мэлвин откроет на нее охоту.

Гвен Проктор готова к этому.

В глубине души я знаю, что все сводится к нам двоим. Мистеру и миссис Ройял. В конце концов, так было всегда.

2

Ланни

Мой младший брат, Коннор, слишком тихий. За целый день он может не сказать ни слова и постоянно смотрит куда-то под ноги. Он спрятался за стенами, которые сам же и возвел, и я хочу пинком опрокинуть эти стены, выволочь его наружу и заставить кричать, колотиться о стену, делать хоть что-нибудь.

Но я не могу даже переброситься с ним парой слов без того, чтобы мама своим всевидящим радаром не засекала проблему... по крайней мере, до тех пор, пока она не выходит на балкон мотеля, закрыв за собой дверь. Я знаю свою мать. И люблю ее – по большей части. Но иногда от нее нет никакого толку. Она разучилась выходить из глухой обороны.

Коннор не спит. Он хорошо притворяется спящим, но я-то его знаю. Два года, пока мамы не было с нами – она находилась в тюрьме и под судом, обвиненная в пособничестве папиным преступлениям, – мы жили в одной комнате, потому что в доме у бабушки было мало места, хотя в ту пору мне было десять лет, а моему брату – семь и мы уже слишком выросли для того, чтобы делить одну комнату на двоих. Нам пришлось быть союзниками друг другу, пришлось присматривать друг за другом. Я привыкла распознавать, когда Коннор действительно спит, а когда просто притворяется. Тогда он почти не плакал, в отличие от меня. А

сейчас не плачет вообще.

А жаль.

– Эй, – говорю я – тихо, но не совсем. – Я знаю, что ты придуриваешься, балбес. – Он не отвечает, не шевелится; его дыхание остается ровным и спокойным. – Ну, Сквиртл[1 - Сквиртл – покемон, существо из серии игр, манги и аниме «Покемон».), хватит играть.

Коннор наконец вздыхает.

– Что тебе надо? – Голос его звучит совершенно не сонно; в нем даже не слышится раздражения. – Ложись спать. Ты всегда злобствуешь, когда не высыпаешься, и морда у тебя становится еще уродливее.

– Заткнись.

– Эй, ты же хотела поболтать. Я не виноват, что тебе не нравится то, что я говорю. – Он отвечает так, как будто с ним всё в порядке.

Но это не так.

Я падаю обратно на кровать. Постельное белье пахнет магазином распродаж, застарелым потом и грязными ногами. Вся комната пахнет магазином распродаж. Я ненавижу этот номер. Я хочу вернуться домой... в тот дом, что мы с мамой и Коннором так старались сделать уютным. Там у меня была собственная спальня, стену в которой я сама расписала по трафарету фиолетовыми цветами. В дом с комнатой-убежищем, которую Коннор отделал в стиле зомби-апокалипсиса.

Наш дом находится на берегу озера Стиллхауз и символизирует то, чего мы, как мне казалось, лишились навсегда: безопасность. Воспоминания о годах, прошедших с того дня, как мы покинули наш первый дом в Уичито, сливаются в одну унылую череду безликих комнат и серых городов. Мы никогда не оставались на одном месте достаточно надолго, чтобы я могла ощутить себя дома.

В Стиллхауз-Лейк все было по-другому. Этот дом казался постоянным, как будто для всех нас жизнь началась заново. У меня даже появились приятели. Друзья.

Там была Далия Браун, которую я сначала ненавидела, а потом она стала моей подругой. Было горько покидать ее, словно выброшенную сломанную игрушку. Она не заслужила этого. Я тоже этого не заслужила. У меня вроде как даже завелся бойфренд, но я с легким потрясением понимаю, что совсем не скучаю по нему. Я даже не думаю о нем.

Только о Далии.

Мы спешно покинули дом, почти ничего не забрав, и я гадаю: быть может, сейчас он снова разграблен и разорен? Вероятно, так и есть. Новости о том, кто мы такие и кто наш отец, всплыли в самый разгар всего этого бардака с офицером Грэмом, и я помню, что случилось с нашими прежними жилищами, когда люди узнавали об этом. Надписи краской на стенах. Мертвые зверушки на крыльце. Выбитые окна и изуродованные машины.

Люди иногда бывают совершенно дерьмовыми тварями.

Я не могу перестать воображать себе, что теперь стало с нашим домом в Стиллхауз-Лейк, если люди, не найдя нас, решили отыгаться на нем. От этих картин у меня все сжимается в груди и бурлит в животе. Я поворачиваюсь на бок и сердито взбиваю дешевую подушку, пытаюсь сделать ее поудобнее.

– Как ты думаешь, от кого была эта эсэмэска?

– От папы, – отвечает Коннор. Я слышу в его голосе что-то странное, какую-то мгновенную заминку, но не знаю, что она означает. Гнев? Страх? Тоску? Быть может, все это сразу... Я знаю то, чего, вероятно, не знает мама: Коннор действительно не понимает, почему наш папа – монстр. Я имею в виду, что он в курсе, но ему было всего семь лет, когда наша жизнь перевернулась вверх дном; он помнит человека, который иногда был замечательным отцом, и скучает по этому человеку. Я была старше. И я девочка. Я вижу все по-другому. – Мне кажется, теперь она собирается отправиться следом за ним.

Теперь я слышу в голосе брата другие интонации. И узнаю? их. Поэтому копаю глубже.

– Тебя это злит, верно?

– А тебя нет? Она хочет бросить нас, словно приبلудных котов, – говорит Коннор. На этот раз голос его звучит холодно и ровно, без каких-либо намеков. – Скорее всего, на бабушку.

– Тебе же нравилось жить у бабушки, – напоминаю я, пытаюсь найти в этом светлую сторону. – Она пекла нам печенье и делала шарики из попкорна. Вряд ли это можно назвать пыткой.

Едва сорвавшись с моих губ, это слово приводит меня в ужас, но уже слишком поздно. Я злюсь на себя, и эта злость красной вспышкой пробегает по моим нервам, словно по проводам электрического взрывателя. В следующую секунду я снова оказываюсь в хижине высоко в горах. Запертая в подвале, в крошечной клетке размером чуть больше гроба, вместе с братом.

Я знаю: мама гадает, что случилось с нами в том подвале. Мы с Коннором никогда не рассказывали об этом, и я не знаю, когда сможем рассказать и сможем ли. Рано или поздно она попытается вытянуть из нас этот рассказ.

А я просто хочу, чтобы у меня была возможность закрыть глаза и не видеть ту лебедку и свисающую с нее проволочную петлю, и эти ножи, молотки и пилы, поблескивающие на доске, висевшей на стене. Комната за пределами клетки выглядела точно так же, как мастерская моего отца в гараже, – по крайней мере, как я видела на фотографиях. Я знаю, что произошло там. Я знаю, что могло случиться с нами в этой камере пыток Лэнсела Грэма – копии той, что соорудил мой отец.

Больше всего мне хотелось бы забыть тот дурацкий коврик. Грэм где-то отыскал точную копию папиного коврика. Хотя на самом деле это был мой коврик, одна из первых вещей, которые я помню по ранним годам своей жизни: мягкий коврик со спиральным узором в пастельных голубых и зеленых тонах. Я любила этот коврик. Я ложилась на него животом и скользила на нем по полу, а мама с папой смеялись, и мама поднимала меня с пола и передвигала коврик обратно на его место у двери, и он был для меня воплощением любви, этот дурацкий коврик.

Как-то раз, когда мне было лет пять, коврик исчез со своего места в коридоре, и папа положил на его место другой. Наверное, он был красивым. У него была прорезиненная изнанка, так что на нем нельзя было скользнуть – или случайно поскользнуться. Папа сказал, что старый коврик он выкинул.

Но в тот день, когда наша прежняя жизнь закончилась, в тот день, когда папа стал монстром, этот коврик, мой коврик, лежал на полу в гараже, прямо под лебедочным крюком и петлей, под висящим в петле телом мертвой девушки. Отец забрал часть моей жизни и сделал ее частью чего-то ужасного.

И когда я увидела точно такой же коврик в подвале ужасов Лэнсела Грэма, во мне что-то сломалось. Закрывая глаза по ночам, я вижу именно это. Мой коврик, превращенный в кошмар.

Я гадаю, что же видит Коннор. Быть может, поэтому он и не спит. Когда ты засыпаешь, то теряешь возможность контролировать свою память.

Брат никак не реагирует на мою оговорку о пытках, поэтому я продолжаю:

– Если мама собирается охотиться на папу, ты действительно хочешь отправиться с ней?

– Она ведет себя так, как будто мы не можем позаботиться о себе сами, – отзывается он. – А мы можем.

Я согласна с тем, что могу позаботиться о себе, однако я достаточно взрослая, чтобы принять мерзкую правду о том, каков наш отец и что он может сделать. Я не хочу, чтобы мне пришлось сражаться с ним. От этой мысли мне больно и страшно. Но я также не хочу, чтобы меня оставляли с Коннором и вынуждали брать на себя ответственность за его безопасность – и за свою тоже. Я почти хочу к бабушке, пусть даже ее печенье было ужасным на вкус, а шарики из попкорна – слишком липкими. Пусть даже она относится к нам как к несмышленишкам.

Я пытаюсь переложить вину на кого-то другого.

– Мама ни за что не позволит нам сражаться с ним. Ты и сам понимаешь.

– Значит, нас отправят к бабушке. Можно подумать, папа об этом не догадается.

Я пожимаю плечами, но понимаю, что в темноте Коннор этого не видит.

– Бабушка тоже переехала и сменила имя. По крайней мере, какое-то время мы сможем побыть у нее. Как на каникулах.

В неподвижности Коннора есть что-то зловещее. Мне хочется услышать хотя бы шорох жестких гостиничных простыней. Хотя бы голос в темноте.

– Да, – говорит он. – Как на каникулах. А что, если мама так и не вернется за нами? Что, если он придет за нами? Ты подумала об этом?

Я открываю рот, чтобы уверенно заявить: «Этого никогда не случится», но не могу. Я просто не могу произнести эти слова, потому что достаточно взрослая и понимаю: мама не бессмертна и не всемогуща, а добро не всегда побеждает. И я знаю – и Коннор знает, – что наш отец невероятно опасен.

Поэтому я наконец говорю:

– Если он найдет нас, мы от него сбежим. Или остановим его любым способом, каким сможем.

– Обещаешь? – Неожиданно его голос звучит так, как и должен в его возрасте. Ему всего одиннадцать лет. Он слишком маленький, чтобы иметь дело со всем этим. Иногда я забываю, насколько он юн. Мне почти пятнадцать. Это большой разрыв, и мы всегда относились к моему младшему брату как к маленькому ребенку.

– Да, трусишка, обещаю. С нами всё будет в порядке.

Коннор выдыхает – медленно, протяжно, так что это похоже на вздох облегчения.

– Хорошо, – произносит он. – Значит, ты и я. Вместе.

– Всегда, – заверяю я его.

Брат замолкает. Я слышу, как мама приглушенным голосом разговаривает с кем-то на галерее; наверное, с Сэмом Кейдом. Вслушиваюсь в тихое журчание их голосов и через некоторое время слышу, как дыхание Коннора делается медленным и глубоким; полагаю, он наконец-то уснул по-настоящему.

Это означает, что и я наконец могу уснуть.

* * *

С утра мама прямо-таки удивляет нас завтраком – пончики и пакетики молока. Они с Сэмом уже давно на ногах, полностью одеты и пьют кофе. Я тоже прошу кофе и получаю в ответ «заткнись». Коннору все равно. Он выпивает свой пакетик молока – и мой тоже, который я передаю ему, пока мама не смотрит.

Но настоящим сюрпризом становится известие, что она не отправляет нас к бабушке через полстраны. Вместо этого отправляет нас обратно в Нортон. Не домой, но близко к тому. И я не могу отделаться от чувства облегчения – и одновременно от легкого раздражения. То, что мы будем так близко от дома, кажется мне опасным по множеству причин... и не столько из-за того, что папа может нас найти, сколько из-за того, что я сразу же понимаю: это означает, что на самом деле я не могу вернуться в наш прежний дом. В свою комнату. Находиться так близко – и все же не дома? Это намного хуже, чем уехать за сотни миль. И еще хуже то, что я не смогу поговорить с Далией. Не смогу написать ей. Не смогу даже намекнуть, что я поблизости. Это полный отстой.

Но я не говорю этого маме.

Коннор немного оживляется, когда осознаёт, что вместо того, чтобы неделями торчать у бабушки, нам предстоит жить у Хавьера Эспарцы, который на свой лад потрясающе крут. Когда он рядом, мне как-то спокойнее; я не сомневаюсь, что он сможет защитить нас. Коннору нужна мужская рука. Он сдружился с Сэмом Кейдом, но я знаю, что у Сэма своя битва. Он отправится на охоту вместе с нашей мамой, в этом нет сомнений.

Итак, мы будем жить в хижине мистера Эспарцы, которую он иногда делит с полицейским офицером Кецией Клермонт. Она тоже по-своему крутая. Они совершенно точно спят друг с другом, хотя, наверное, нам не положено этого

знать. Но Кеция мне нравится. К тому же это значит, что мы будем под двойной защитой. Я знаю, что именно поэтому мама приняла такое решение, однако я все равно рада – из-за Коннора. Надеюсь, что общение с мистером Эспарцей ослабит стену молчания, за которой он спрятался.

Сборы проходят быстро. За столько лет в бегах мы с Коннором стали настоящими профи в том, чтобы за пару минут покинуть все вещи в сумки и быть готовыми выехать. На самом деле Коннору даже не приходится этим заниматься. Он уже собрал свои вещи, пока я еще спала. Мы соревнуемся в этом, ведя подсчет баллов, и сейчас брат молча указывает на свою сумку, давая мне понять, что выиграл. Опять. Он уже уткнулся в книгу – это его способ отгородиться от любых попыток завязать с ним разговор. К тому же он любит читать.

Жаль, что я не разделяю это увлечение. В очередной раз обещаю себе одолжить у него несколько книжек.

Мы садимся в машину и вливаемся в поток транспорта на затянутом туманом шоссе полчаса спустя с того момента, как мама поставила пончики на стол.

Я в основном дремлю, надев наушники, чтобы заглушить тягостное молчание. Мама и Сэм не говорят ни слова, Коннор переворачивает страницу за страницей. Я развлекаюсь тем, что составляю новый плей-лист: «Песни для обзывательств и надирания задницы». Это скучная поездка, и пульсирующий ритм вызывает у меня желание выйти на пробежку. Быть может, мистер Эспарца позволит мне бегать, когда мы поселимся в его доме, хотя лично я в этом сомневаюсь: мы окажемся под домашним арестом, скрываясь от всех шпионов в округе – не только от отца и его приятелей в реальном мире, но и от всех воодушевившихся интернет-троллей[2 - Троллинг – форма социальной провокации или издевательства в сетевом общении, использующаяся как персонифицированными участниками, заинтересованными в большей узнаваемости, публичности, эпатаже, так и анонимными пользователями без возможности их идентификации.]. Один случайный снимок – и кто-нибудь снова выложит мою фотку в «Реддит» или на «4chan», и тогда все станет очень плохо – и очень быстро.

Так что, скорее всего, пробежки мне не светят.

Мы едем пару часов, потом останавливаемся возле большого торгового центра, где Сэм покупает четыре новых сменных телефона. Я на некоторое время оживляюсь, обнаружив, что ему пришлось купить настоящие смартфоны, пусть даже мне непривычно с ними обращаться, такие они громоздкие. Но телефоно-раскладушек в продаже не было. Смартфоны самые обычные, черные, без каких-либо отличительных черт. Мы распаковываем их в машине и сообщаем друг другу наши новые номера. Мы давно уже привыкли к этому. Мама хотела бы купить нам с Коннором телефоны разного цвета, просто для того, чтобы мы их не перепутали, но Сэм не подумал об этом: все четыре смартфона совершенно одинаковые. Мама конфискует наши с Коннором смартфоны и проделывает обычные манипуляции, отключая все интернет-функции и блокируя как можно больше приложений. Потом отдает смартфоны обратно. Всё как обычно. Она никогда не хотела, чтобы мы увидели весь тот поток грязи, который льется на папу и на нас.

Я кладу телефон в карман, втыкаю наушники в свой «Айпод» и врубаю музыку. И, уже слушая «Флоренс + Зе Мэшин», осознаю?, что Сэм не включил двигатель. Он достает из кармана листок бумаги, вводит записанный на листке номер в свой смартфон и звонит.

Я вынимаю наушники из ушей и ставлю песню на паузу, чтобы слышать, о чем он говорит.

– Да, здравствуйте. Можно агента Люстига? – Несколько секунд Сэм молчит, выслушивая ответ. – Хорошо. Могу я оставить для него сообщение? Передайте ему, чтобы позвонил Сэму Кейду. Он знает это имя. Вот мой номер... – Зачитывает цифры с коробки. – Попросите его перезвонить, как только будет возможность. Он знает, зачем это нужно. Спасибо.

Завершив звонок, Сэм заводит машину, мы выезжаем на дорогу и катим дальше. Я понимаю, что он не намерен что-либо объяснять нам, поэтому беру инициативу на себя.

– Кто такой агент Люстиг?

– Мой друг, – отвечает Сэм. Он честен с нами или, по крайней мере, настолько честен, насколько считает возможным. Это мне в нем и нравится.

– А зачем тебе разговаривать с ФБР?

– Потому что они отслеживают вашего отца, – говорит он. – И к тому же нам нужно кое-что выяснить об «Авессаломе». Я надеюсь, что у ФБР может оказаться больше сведений.

Я знаю про «Авессалом». Нахмурившись, спрашиваю:

– Почему?

– Потому что «Авессалом» мог послать за нами еще кого-нибудь, помимо Грэма, – объясняет он, предварительно взглянув на маму, чтобы убедиться, что можно рассказать мне об этом. – И этот «кто-то» мог выследить нас вплоть до того мотеля. Вот почему мы приобрели новые телефоны.

Мама наконец-то вступает в разговор:

– «Авессалом» может быть не одним человеком, а целой группой. Если так, то они, возможно, помогают вашему отцу скрываться и одновременно отслеживают нас для него.

– Если есть такая опасность, почему вы везете нас обратно в Нортон? Почему мы не можем просто остаться с вами? – спрашивает Коннор. Он опускает книгу, но закладывает пальцем страницу, которую читал.

– Ты серьезно? – Мама пытается изобразить удивление, однако голос ее звучит просто мрачно. – Ты же в курсе: я ни за что не захочу везти вас туда, где будет опасно. Моя задача обратная – держать вас подальше от опасности. И кроме того, вам и так уже пришлось достаточно трудно. Вам обоим нужно побыть в безопасном месте и отдохнуть.

«А тебе – нет?» – думаю я, но не говорю этого вслух, вопреки обыкновению. Вместо этого заявляю:

– Ты же понимаешь, что тебе не нужно отправляться за ним. На него охотятся все копы, и ФБР тоже. Почему бы тебе просто не остаться с нами?

Мама некоторое время молчит, подыскивая ответ, и я гадаю: знает ли она сама, зачем ей это?

– Солнышко, я знаю вашего отца, – говорит она. – Если я окажусь на виду, он может совершить какой-нибудь промах и выйти из укрытия, чтобы отправиться за мной. И это будет значить, что его поймут быстрее, и тогда пострадает меньше людей. Но я не смогу пойти на такой риск, если вы будете вместе со мной. Понимаешь?

Сэм снова не говорит ни слова. Я смотрю на его руки, лежащие на рулевом колесе. Он хорошо умеет скрывать свои мысли и чувства – но не идеально, потому что я вижу, что костяшки его пальцев слегка побелели.

– Да, – тихо произношу я. – Понятно. Ты – приманка. – Верчу в пальцах свой «Айпод», но не надеваю наушники. – Ты собираешься убить его? – Я не знаю, какой ответ хочу услышать.

– Нет, милая, – возражает мама. Но я не слышу в ее словах убежденности. Я знаю, что Сэм хочет всадить пулю в голову моему отцу. Может быть, даже не одну. И я понимаю это желание. Понимаю, что мой отец – монстр, которого следует убить.

Но он также и папа, живущий в моей памяти. Сильный, добрый человек, укладывавший меня спать и целовавший на ночь в лоб. Мужчина, который, смеясь, кружил меня в воздухе под ярким летним солнцем. Папочка, целовавший мой ушибленный пальчик, отчего мне становилось легче. Любящий великан, поднимавший меня с того мягкого плетеного коврика и обнимавший теплыми сильными руками...

Отвожу взгляд и смотрю в окно. Я не собираюсь спорить с ними. Когда думаю о моем отце – одновременно монстре и добром папе, – у меня перехватывает дыхание, к горлу подкатывает тошнота, и я не знаю, что должна чувствовать. Нет, это ложь: я знаю, что должна ненавидеть его. Мама ненавидит. Сэм ненавидит. Все ненавидят его, и они правы.

«Но он мой отец».

Мы с Коннором никогда не разговаривали об этом, но я знаю, что он тоже это чувствует... то, как тянет и болит внутри, когда пытаешься совместить две эти совершенно разные картины. Я снова думаю о старом цветном коврик, о кусочке дома в логове монстра. И не могу решить: то ли он так пытался остаться папой, то ли никогда не был никем, кроме этого монстра, а «папа» был просто маской, которую он носил, чтобы обмануть нас.

Быть может, верно и то, и другое. Или не верно ни то, ни другое. Эти мысли утомляют, и я снова включаю музыку, стараясь полностью погрузиться в нее.

На некоторое время засыпаю, а просыпаюсь, когда мы уже подъезжаем к цели нашего пути. Сэм сворачивает с главного шоссе на более узкую дорогу, и мы проезжаем десяток мелких городков, прежде чем повернуть к Нортону и Стиллхауз-Лейк. Я вижу, как мимо проплывает старый транспарант, изрешеченный дробью, и ощущаю боль в желудке. Мне хочется выскочить из машины и бежать по дороге прямо к нашему дому, броситься на кровать в своей комнате и натянуть одеяло на голову.

Не доезжая до самого? Нортон, мы сворачиваем на проселок, идущий через лес. Проселок грязный и ухабистый, даже Коннору трудно читать, когда так трясет, и он с сердитым и упрямым вздохом закрывает книгу, заложив ее закладкой. Мы проезжаем примерно полмили, потом огибаем плавный поворот и направляемся к старому, маленькому, однако опрятному и ухоженному дому, окруженному высоким железным забором.

Хавьер Эспарца сидит на крыльце. Он старше меня минимум на дюжину лет, если не больше. Одет в темные джинсы и футболку цвета хаки и выглядит солдатом куда больше, чем люди в военной форме. Когда он встает, я вижу у него под рукой дробовик. А еще в кобуре у него на поясе висит полуавтоматический пистолет – мистер Эспарца носит его более открыто, чем мама, которая прячет наплечную кобуру под кожаной курткой. У его ног лежит огромный ротвейлер – с виду настоящий убийца.

Когда мистер Эспарца поднимается на ноги, то же самое делает и пес – мышцы напряжены, внимание сосредоточено на нас.

Мама выходит из машины первой, и я вижу, как мистер Эспарца слегка расслабляется. Он смотрит на своего пса, говорит что-то по-испански, и пес

снова ложится – при этом держится совершенно спокойно, но не ослабляет внимания.

– Привет, Гвен, – обращается мистер Эспарца к моей матери, подходя, чтобы открыть ворота. – Какие-нибудь проблемы?

– Никаких, – отвечает она.

– «Хвоста» нет?

– Нет, – говорит Сэм, вылезая с водительского сиденья. – Ни впереди, ни позади. И ни одного дрона.

Я поднимаю брови и переглядываюсь с братом поверх багажника машины – мы уже вылезли наружу. «Дроны?» – одними губами произношу я, а вслух интересуюсь:

– Мы что, оказались в каком-то дурацком шпионском боевике?

– Нет, – возражает Коннор без единого намека на улыбку. – Это фильм ужасов.

Я проглатываю этот ответ на свой выпендрег и лезу в багажник, чтобы забрать свою сумку. Коннор достает свою. Поднятая крышка багажника на мгновение прячет нас от взрослых, и я быстрым шепотом спрашиваю:

– С тобой всё в порядке? Только честно.

Мой брат на секунду замирает, словно на стоп-кадре, потом смотрит прямо на меня. Глаза у него совершенно ясные. Он не выглядит встревоженным. Он вообще никаким не выглядит на самом деле.

– Не в порядке, – отзывается Коннор. – И ты тоже, так что перестань изображать, будто ты такая вся из себя ответственная.

– Я и есть ответственная, – высокомерно бросаю я ему, однако этим он меня, несомненно, уязвил. Не обращая на него внимания – потому что это лучшее, что я сейчас могу сделать, – подхожу к маме. Смотрю на пса, а он смотрит на меня.

Они умеют чувствовать страх. А я до чертиков боюсь больших, злых и громких собак – с тех пор как одна из них бросилась на меня, когда мне было четыре года.

Я решаю взглядом показать ему, что не боюсь.

Коннор, остановившись рядом, тычет меня в бок. С силой. Я вздрагиваю и оглядываюсь через плечо. Он говорит мне:

– Собакам это не нравится. Не смотри ему в глаза.

– Ты что, заделался Говорящим-с-Собаками?

– Уймись вы, оба, – приказывает мама, и я молча тычу локтем назад, чтобы Коннор оставил меня в покое. Тот уклоняется с привычной легкостью, свойственной младшим братьям-занудам. – Хавьер, спасибо, что согласился на это. Даже не знаю, как тебя благодарить. Сейчас в этом мире есть всего три человека, которым я могу доверить своих детей, и вы с Кеэ входите в этот список.

Я все еще никак не могу привыкнуть к тому, что она зовет его Хавьером и на «ты». Представить себе не могу, что я тоже буду так его называть, особенно когда вижу его сейчас. Но я молча обещаю себе, что хотя бы попытаюсь. «Хавьер». Сэму достаточно лет, чтобы он мог быть моим отцом, но он... ну, Сэм. Мистер Эспарца... он другой. Клевый. Из тех людей, которые, по идее, мне нравятся, и, может быть, еще недавно так и было... но не сейчас. Может быть, когда мы проживем у него, мое прежнее отношение к нему вернется.

Я не люблю быть не в своей тарелке, поэтому делаю первое, что приходит мне в голову. Смотрю исподлобья на Хавьера Эспарцу, словно поверить не могу, что мне придется общаться с ним, потом встряхиваю головой, так что волосы падают мне на лицо, и издаю стон, притворяясь, будто моя сумка весит миллион фунтов.

– У нас будут спальни? Или нам придется спать в амбаре вместе с курами? – Когда мне не по себе, я нападаю. Это заставляет людей отойти с дороги и дать мне возможность сориентироваться. На этот раз я даже не жду, а прямо направляюсь к крыльцу и уже делаю два шага, когда вспоминаю про пса.

Он вскакивает с дощатого крыльца, словно подброшенный пружиной, и устремляет на меня взгляд своих огромных жутких глаз. Я скорее ощущаю, чем слышу его низкое тихое рычание и останавливаюсь, мгновенно осознав, что я подставилась. «Дура, дура, дура!»

Мистер Эспарца не двигается, только медленно протягивает руку к собаке, и рычание прекращается. Ротвейлер облизывает брыла и снова садится, миролюбиво пыхтя. Но я ни на секунду не покупаюсь на это миролюбие.

- Быть может, ты позволишь познакомить тебя с Бутом? Эй, Бут, веди себя хорошо.

Бут гавкает. Это громкий грудной лай, от которого мне хочется удрать прочь со всех ног, но я сдерживаюсь. Едва-едва. Бут встает, стекает вниз по ступеням – под гладкой шерстью перекачиваются литые мышцы – и обходит меня по кругу. Я стою неподвижно, не понимая, что мне делать. Наконец Бут снова останавливается передо мной и садится.

- Э-э... – произношу я. Гениальная фраза. Но я больше ничего не могу придумать. Во рту у меня сухо. Я боюсь даже смотреть на пса. – Привет...

Медленно, очень медленно опускаю сумку наземь. Бут не шевелится. Я протягиваю к нему руку, он смотрит на меня в упор, потом поворачивает голову к мистеру Эспарце, точно спрашивая: «Она и вправду такая дура?» – потом обнюхивает мои пальцы и слегка касается их языком – мол, можешь быть свободна. Фыркает, словно ему не нравится вкус моего мыла, отворачивается и перебирается в тень, где и укладывается, опустив голову на лапы. Вид у него совершенно разочарованный. Мне кажется, он ожидал, что день для него начнется с хорошей полномасштабной драки.

У меня с Бутом много общего.

Низко опустив голову и вообще не глядя на мистера Эспарцу, я спрашиваю:

- А теперь-то можно войти в дом?

- Конечно, – отвечает он. Голос у него спокойный и чуть-чуть веселый.

Не сводя глаз с Бута, я поднимаю свою сумку и медленно иду через открытое пространство к крыльцу.

– Хороший песик, – говорю Буту. Тот смотрит в сторону, однако чуть заметно виляет хвостом на мои слова.

Потом я поднимаюсь на крыльцо. Там стоит старое потрепанное кресло, а к стене возле двери все еще прислонен дробовик. Мне почти безумно хочется коснуться его, но, если я это сделаю, мама придет в ярость, поэтому я просто открываю дверь хижины и захожу внутрь.

– Круто, – кислым тоном произношу я, окидывая взглядом имеющиеся варианты.

Хижина совсем маленькая. Полагаю, тут совсем не так уж плохо: в камине горит огонь, прогоняя осенний холод, диван большой и с виду удобный, как и кресла. Рядом с маленьким кухонным уголком стоит такой же маленький обеденный стол, всё ужасно аккуратное и чистое.

Из главной комнаты ведут три двери: в санузел (один-единственный, боже ты мой!) и в две маленьких спальни. Я швыряю свою сумку на первую же кровать, которая попадается мне на глаза, и падаю ничком рядом с сумкой. Делаю глубокий вдох.

Кровать пахнет сосной и чистым бельем, и я крепко обнимаю подушку. По крайней мере, она такая, как нужно. В высшей степени.

– Эй, – говорит от двери Коннор. – А где буду спать я?

– А мне плевать, – бормочу я в подушку. – Я застолбила эту территорию под Атланту.

– Не будь такой с...

– Если ты назовешь меня так, как собрался, я напишу тебе под зад, Коннор.

– Злюка, – произносит он вместо того, что намеревался сказать, и ругательство это звучит так по-детски, особенно будучи высказано тоном оскорбленной

невинности, что я не могу удержаться от смеха. – Мне же нужно где-то спать.

– Ты займешь вторую комнату, – говорит мистер Эспарца, останавливаясь у него за спиной. Я бросаю на него быстрый взгляд и вижу, что он улыбается. – Та комната больше, но раз уж Ланни выбрала эту...

– Эй! – Я вскакиваю, но слишком поздно; Коннор уже вбегает во вторую комнату. Смотрю на мистера Эспарцу из-под завесы черных волос. – Это нечестно. – Он пожимает плечами. – Погодите... а где будете спать вы?

– На диване, – отвечает тот. – Все нормально, я привык и к худшему, а диван раскладывается в нормальную кровать.

Мистер Эспарца мыслит так же, как мама, которая всегда занимает самую ближнюю к двери комнату... чтобы оказаться между нами и тем, что может нам грозить.

– Надеюсь, вы не храпите, – фыркаю я.

– Ну да, храплю, – отзывается он. – Как целая лесопилка. Надеюсь, у тебя есть беруши.

Мне кажется, он шутит. Может быть. Не хочу спрашивать – на тот случай, если это не шутка. Просто падаю обратно на кровать, словно застреленная в упор, и смотрю в потолок. Он совершенно никакой. Да и вся комната... не будем о грустном. Зато она чистая, и в ней приятно пахнет. У меня в сумке есть пара вещей, которые смогут придать этой комнате больше индивидуальности. А у Коннора целая куча книг. Может быть, я смогу спереть штуки три-четыре.

Мистер Эспарца разворачивается, и я вижу, что в главную комнату входит мама, а за ней – Сэм Кейд.

– Хави, ты уверен, что всё в порядке? – В голосе мамы внезапно прорезывается неуверенность. На нее это совсем не похоже. – Знаю, что о таких услугах глупо просить. Я подвергаю тебя опасности и в то же время стесняю...

– Все отлично, – заверяет мистер Эспарца. – На некоторое время поселить у себя гостей – это даже мило. И вообще, дом может показаться ветхим, но он хорошо укреплен и оборудован сигнализацией и охранными прожекторами. У меня есть Бут, оружие и подготовка. С детьми все будет в порядке, Гвен. Я позабочусь об этом. – Он делает паузу, и я замечаю взгляд, брошенный им на Сэма. Я не могу точно сказать, что означает этот взгляд. – Выйти на охоту за твоим бывшим мужем – это дурацкая идея, Гвен.

– Да, дурацкая, – соглашается она. – Но я потратила несколько лет на игру в прятки, и сам видишь, что из этого вышло. Он манипулировал мной. Он направил меня именно туда, куда и хотел. Но теперь он сам в бегах, и я не позволю ему снова причинить вред моим детям.

Я впервые слышу, чтобы мама говорила всё вот так, напрямую. Ну, то есть понятно, о чем она думает: она должна встать между нами и ним. Я это знаю. Просто беспокоюсь о том, что может случиться.

Мама входит в мою комнату и садится на кровать рядом со мной. Я не хочу вести Прощальные Разговоры, поэтому начинаю разбирать вещи.

– Ты всегда первым делом распаковываешь сумку, куда бы мы ни приехали, – замечает мама, и я медлю, складывая рубашку. – Ты это заметила?

– А какая разница? – отзываюсь я, открывая ящик комода. Он пуст, из него теплым облачком выплывает запах кедровой древесины. Я буду пахнуть как дерево. Потрясающе. Я стопками складываю в ящике свое белье и носки, потом кладу футболки и рубашки во второй ящик.

– Коннор никогда так не делает, – продолжает мама. – Он всегда оставляет все в сумке.

– Ну да, он всегда готов бежать. А мне нравится чувствовать, что я не готова. – Хотя на самом деле я готова. На самом деле я точно знаю, где лежат все мои вещи, и в случае чего могу собрать сумку меньше чем за минуту.

Достаю из сумки оставшиеся футболки и перекладываю так, чтобы разгладить складки.

– Я думала, ты избавилась от этого, – говорит мама, и я понимаю, что она имеет в виду выцветшую футболку с изображением Шарлотты Землянички[3 - Шарлотта Земляничка – главная героиня одноименного детского мультфильма.], которую я только что уложила в комод. Честно говоря, эта футболка смотрится странно в моем ящике, где вся одежда мрачных тонов: черного, красного, темно-синего. Я больше не девочка, любившая мультик о Шарлотте Земляничке. Я одета в свободные штаны с карманами на клапанах, молниями и карабинами, в просторную рубашку поло с вышитым на спине огромным узорным черепом-калавера[4 - Калавера – мексиканский символ Дня мертвых, изображение черепа с цветочными и геометрическими узорами.]. Мои длинные прямые волосы окрашены в полуночно-черный цвет. Сегодня я не подвела глаза, и мне очень этого не хватает.

– Ну да, мне нравится эта футболка – на ощупь, – отвечаю я маме, потом задвигаю ящик, закрывая в нем ту девочку, которой я когда-то была. – Ну, вот. Дом, милый дом. Ты надолго нас тут бросаешь?

В моем вопросе звучит неприкрытая резкость, но мама выслушивает его не дрогнув.

– Не знаю. Я понимаю, что это тяжело, но мне нужно, чтобы ты не пыталась связаться со своими друзьями в Нортоне. Хорошо?

Ну конечно. Можно подумать, кто-то из моих друзей захочет сейчас говорить со мной. Я теперь не просто чучело в готских тряпках, я теперь отродье зла. И кроме того, у них у всех начались занятия в школе.

– А что насчет нашей учебы?

– Мне жаль, – отвечает мама. – Понимаю, как это неприятно. Но это временно. Хавьер и Кеция позаботятся о том, чтобы в мое отсутствие вы хоть чему-то обучались. Я надеюсь, меня не будет всего неделю, максимум две. Но мне нужно, чтобы ты...

– Вела себя ответственно, заботилась о Конноре... да, да, я все это знаю. – Закатываю глаза, потому что мы явно дошли до этой части разговора. – Ха, может быть, мы сможем охотиться, чтобы прокормить себя... Это будет весело. Суп из бельчатины – вкуснотища!

Залезаю в сумку. На самом верху лежит фотография – мы втроем смеемся, стоя перед домом в Стиллхауз-Лейк. Снимок делал Сэм. Это был хороший день. Я ставлю фотографию на комод и начинаю двигать ее туда-сюда, прикидывая, как она будет лучше смотреться. Но мама не попадает на эту наживку. Впрочем, меня это не удивляет. Наконец я говорю:

– Ты сказала Коннору, что не собираешься пристрелить папу.

– Я еду не за этим, – отзывается она, и это честный ответ, в котором учитываются все вероятности.

– Я хотела бы, чтобы ты это сделала, – выговариваю я. – Я хотела бы, чтобы он уже был мертв. Жаль, что они не казнили его в Канзасе. Ведь он именно за этим сидел в камере смертников, верно? – Я стараюсь, чтобы мой голос звучал ровно, а поза была уверенной. – Он ведь обязательно убьет еще кого-нибудь, да? И, может быть, даже нас, если сможет...

– Этого не будет. – Мама произносит эти слова мягким тоном. Я знаю, что она хочет обнять меня, но мама хорошо изучила «язык Ланни» и держится от меня на расстоянии вытянутой руки. Мне не нужны объятия. Я хочу сражаться, но она не позволит мне, и это полный отстой. – Его поймут и отправят обратно в тюрьму. И в должное время приведут приговор в исполнение. Так будет правильно. Если сделать по-другому – это будет просто месть.

– А что плохого в мести? Ты видела фотки тех трупов? Мам, если б это я висела там, на лебедке, разве ты не захотела бы мстить?

Мама замирает. Просто... закрывается. Мне кажется, это потому, что она не хочет, чтобы я знала, как сильно она хочет мести. Потом моргает и спрашивает:

– А Коннор видел эти снимки?

– Что? Нет! Конечно нет, я не настолько дура. Я ни за что не покажу их ему. Но смысл не в том, мама. Смысл в том, что отец не заслуживает того, чтобы жить, разве не так?

– У меня к этому эмоциональное отношение, и у тебя тоже. Поэтому не нам решать, что с ним будет. – Мама говорит все это, но я четко вижу, что она вовсе так не чувствует. Она хочет, чтобы он был мертв с гарантией, хочет настолько сильно, что ее трясет. Но мама старалась воспитывать меня совсем не так. Полагаю, это хорошо и правильно.

Я переворачиваю сумку вверх дном, и оставшиеся в ней вещи высыпаются на кровать. В основном это косметика. Альбом для скрапбукинга, к которому прилагался нелепый, ненадежный замо?к – Коннор сказал, что может вскрыть его скрепкой. Дневник, тоже с замочком. Я люблю делать записи от руки, на бумаге. Мне нравится думать, что это долговечнее, чем блогики в Интернете – там только пиксели, которые могут исчезнуть в одно мгновение. Стереться, как будто их и не было.

– Ланни, моя задача – защищать вас от вашего отца. Вот поэтому я еду за ним. Ты понимаешь это?

Верчу в пальцах тюбик губной помады – оттенка «алая тень», – а потом кладу его на комод.

– А я должна защищать от него Коннора, – отвечаю я. – Я это понимаю. Мне просто хреново от этого, вот и всё. Мне хреново вот от чего: что бы мы ни делали, как бы ни старались, все равно все крутится вокруг него. Весь смысл наших действий – только в нем.

На этот раз мама обнимает меня и прижимает к себе. С силой.

– Нет. Смысл в том, чтобы наконец выкинуть его из нашей жизни. Мы – не его. Мы – наши.

Я обнимаю ее в ответ, но всего на секунду, потом высвобождаюсь, падаю на кровать и нацепляю на шею наушники.

– А когда я получу свой ноутбук обратно, госпожа начальница?

– Когда всё это закончится.

– Я знаю, чего нельзя делать. Ты даже можешь установить на него «родительский контроль».

Мама улыбается:

– Но ты же умная девочка, способная взломать его за две секунды, едва я выйду из комнаты. Так что – нет. Прости, но все будет только тогда, когда это закончится.

Я бросаю на нее свой Фирменный Взгляд. Но это не действует.

– Я позвоню вечером, – говорит мама, и я пожимаю плечами, как будто мне все равно, сделает она это или нет. Только вот мне не все равно. И мы обе это знаем.

Когда я чисто ради собственного удовольствия завершаю свой макияж, то обнаруживаю, что мама уже вышла в основную комнату и сидит у кухонного стола. Напротив нее – Коннор. Хавьер ставит перед моим братом стакан с водой, но тот не обращает на это ни малейшего внимания. Он смотрит только в книгу. Мама берет его стакан и отхлебывает, но Коннор игнорирует и это тоже.

– Должно быть, интересная книга, – говорит она. Я усаживаюсь в одно из кресел у окна. Они и вправду удобные, я не ошиблась. Перекинув ногу через подлокотник, наблюдаю спектакль, как мама пытается мягко пробиться через стену, за которой спрятался Коннор, а тот притворяется, будто ее вообще здесь нет.

Наконец он сдается, чтобы коротко ответить:

– Да. – Аккуратно вкладывает между страниц потрепанную закладку, закрывает книгу и кладет на стол. – Мама, ты вернешься?

Я вижу его глаза. И их взгляд меня тревожит. Я больше не могу понять, о чем думает мой брат. С тех пор как Лэнсел Грэм украл нас, Коннор не чувствует себя в безопасности, я это вижу. Он так верил в то, что мама сможет полностью уберечь нас от всего, сможет не дать никому в мире причинить нам вред, и когда она не сумела этого сделать, для него ее неудача была полной и окончательной. Несмотря на то что мама не была ни в чем виновата, а потом к

тому же пришла спасти нас – я знала, что она придет.

Но я не знаю, как починить моего брата.

Мама, конечно же, говорит правильные вещи и обнимает его. Он быстро вырывается, как обычно... Коннор не любит объятий, особенно при посторонних. Но сейчас причина не только в этом.

Мама целует меня в лоб, и я снова обнимаю ее, уже по-настоящему, но не говорю ничего. Сэм, который до этого молча стоял, прислонившись к двери, подходит ко мне и говорит:

– Позаботься о своем брате, ладно?

Сэм – хороший человек. Я долго, очень долго относилась к нему настороженно, но я видела, как он без лишних слов и шума совершает ради нас невероятные поступки – он сражался, чтобы спасти нас, когда наши жизни висели на волоске. И я верю, когда он говорит, что ему не плевать на нас.

И я также думаю, что для него это тяжело, потому что наш папаша-маньяк ни за что ни про что убил сестру Сэма, и когда тот смотрит на нас, то не может не видеть во мне и в Конноре частицу Мэлвина Ройяла. Иногда я часами рассматриваю себя в зеркале, выискивая малейшее сходство с отцом. Волосы у меня скорее мамины. Но мне кажется, что мой нос формой напоминает отцовский. И подбородок тоже. Я смотрела в Интернете, со скольких лет делают пластическую хирургию, – я хочу избавиться от этого сходства.

Коннор иногда в точности напоминает отца, каким тот был в детстве, – я видела детские фотографии Мэлвина Ройяла. Я знаю, что это сильно беспокоит моего брата. И знаю, что он тратит уйму времени на навязчивые размышления о том, станет ли таким же... плохим.

Мама должна помочь ему. И как можно скорее. А если она этого не сделает, то сделаю я.

– Я позабочусь о нем, – отвечаю я Сэму, потом пожимаю плечами, делая вид, будто это не так уж сложно.

Но Сэм все понимает.

– И о себе тоже, крутая девчонка.

– Кого это ты назвал девчонкой? – вопрошаю я, ухмыляясь. Мы с ним не обнимаемся. Мы стучаемся кулаками, и он подходит к Коннору, чтобы так же попрощаться с ним.

Потом мама и Сэм исчезают за дверью, и мы выходим на крыльцо, где уже стоят Хавьер Эспарца и пес Бут, чтобы помахать на прощание. Впрочем, Бут не машет. Он все еще выглядит недовольным из-за того, что ему не позволили обглодать мне лицо. Я осторожно глажу его по голове. Он снова фыркает, но потом поворачивается к Коннору, и мой брат, не проявляя ни малейших признаков страха, садится рядом с псом и чешет ему между ушами. Бут закрывает глаза и приваливается к нему.

«Мальчишки», – думаю я, закатывая глаза.

Смотрю, как мама и Сэм садятся в машину. Я смотрю, как они уезжают прочь. Глаза у меня ясные и сухие, и я горжусь этим.

Мистер Эспарца говорит, что сделает на обед хот-доги с острым соусом. Коннора он припрягает резать лук.

Я ухожу в свою комнату, закрываю дверь и плачу, уткнувшись лицом в подушку. Потому что сейчас, как никогда прежде, боюсь того, что больше не увижу маму.

И что отец найдет нас.

З

Сэм

Мы уже целый час в дороге, а Гвен по-прежнему молчит. Я чувствую, как воздух вокруг нее буквально вибрирует от душевной боли.

– Ты в порядке? – Это неуместный вопрос, но я должен попытаться. Мне не нравится то, как она неотрывно, без всякого выражения смотрит на мелькающие за окном деревья, словно пытается загипнотизировать саму себя и тем самым найти успокоение.

– Я только что бросила своих детей, – произносит Гвен. Голос ее звучит странно. Я бросаю на нее быстрый взгляд, но дорога слишком узкая и извилистая, и я не могу даже на пару секунд оторваться от управления внедорожником. – Оставила их с... чужими людьми.

– Не с чужими, – возражаю я. – Перестань, ты ведь знаешь, что это хорошие люди. Они сделают все возможное, чтобы дети были в безопасности.

– Мне следовало остаться с ними. – По ее голосу я понимаю, что ей отчаянно хочется попросить меня повернуть обратно. – Я просто хочу обнять моих детей и больше никогда не выпускать их из виду. Я в ужасе... – Ее голос на несколько секунд делается почти неслышным, словно шорох ветра в траве, потом снова набирает силу: – Что, если я никогда к ним не вернусь? Что, если их заберут, пока меня нет?

Тон у нее настолько убитый, что я сворачиваю к обочине и останавливаю машину в синей тени деревьев.

– Ты хочешь вернуться?

Выключаю мотор и поворачиваюсь, чтобы взглянуть на нее. Не с осуждением, а с беспокойством. Мне нужно знать, что она готова исполнить задуманное нами. Если нет, то я не смогу винить ее, но в глубине души понимаю, что должен ехать, с нею или без нее. Мэлвин Ройял на свободе, и он намерен прийти за Гвен и этими детьми. Когда-то для меня это было мстью, возмездием за мою сестру Кэлли, но теперь стало чем-то бо?льшим.

– Конечно же я хочу вернуться, – отвечает Гвен, потом делает глубокий вдох. – Но я не могу, верно? Если сейчас не буду сражаться за своих детей и защищать их, как я смогу когда-либо снова посмотреть им в глаза? Он придет за ними. И

когда он это сделает, я должна преградить ему путь.

Сейчас Гвен – сплошной комок боли, удерживаемый в узде лишь ее стальной волей. И, глядя на нее, невозможно усомниться: она имеет в виду именно то, что говорит. Но я и не сомневаюсь, что это именно так, когда речь идет о Мэлвине Ройяле. Она встретится с ним лицом к лицу и не отступит.

– Мы намерены убить его, – говорю я. Это не преувеличение и не вопрос. – Мы понимаем друг друга, верно? Мы едем не для того, чтобы просто найти его, позвонить копам и вернуть его обратно в тюрьму. Пока этот человек жив, он продолжит вредить тебе всеми доступными способами. И я ни за что не позволю ему сделать это.

Я не собирался высказываться настолько прямо, но все же высказался. Если я и испытываю любовь к этой женщине, то это суровая любовь, опасная для нас обоих, – до тех пор пока призрак Мэлвина Ройяла наконец-то не упокоится безвозвратно.

– Да, – соглашается Гвен. – Мы намерены убить его. Это единственный способ обеспечить детям безопасность. – Я медленно киваю, потом улыбаюсь ей. Ее ответная улыбка выражает одновременно скорбь, виноватость и извинение. – Честно говоря, я никогда не думала, что буду напрямую рассуждать о том, что намерена стать убийцей. В трудной ситуации можно узнать о себе много странного.

Гвен кладет ладонь на мою руку, и я чувствую сквозь ткань жар этой ладони – словно раскаленное тавро. Отпустив руль, накрываю ее ладонь своей. Наши пальцы сплетаются. В течение долгого, долгого момента мы не произносим ни слова. Покой этой проселочной дороги, тень деревьев, отдаленные голоса птиц – всё это так далеко отстоит от тьмы в наших душах, что кажется, будто находится совершенно в другом мире.

Тишину разбивает звонок телефона, и мы одновременно тянемся к карманам.

– Мой, – говорю я и отвечаю на звонок, потому что мне знаком номер, высветившийся на экране: – Привет, Майк. Что случилось?

– И это ты спрашиваешь, что случилось? Сэмми, какого черта? Я что, звоню тебе поболтать о погоде?.. Такое вот дело, приятель: я откопал пару наводок на возможных участников проекта «Авессалом». Хочешь подсказку?

– Конечно, – отвечаю я. – Я так понимаю, это неофициально?

– Официально у меня нет основания даже спросить у кого-нибудь из этих уродов, который час, так что понимай как угодно. Так тебе нужна подсказка или нет?

У меня нет ни ручки, ни бумаги, поэтому я изображаю, будто пишу в воздухе, и Гвен понимает намек: она протягивает мне ручку и лист с договором об аренде внедорожника. Я выслушиваю два варианта, которые зачитывает Майк Люстиг, сразу же делаю выбор и озвучиваю его:

– Ясно. Мы берем на себя тот, что ближе к нам, в Мейкервилле.

– Будь осторожен, ладно?

– Ладно, – заверяю я Майка. – И ты тоже.

Тот, не прощаясь, дает отбой – вполне в его стиле. Я протягиваю бланк с записями Гвен.

– «Арден Миллер, Мейкервилл, Теннесси», – зачитывает она. – Мужчина или женщина?

– Не знаю.

– И где находится этот Мейкервилл, помимо того что он в Теннесси?

Теперь, когда у нас есть имя и направление поисков, дело кажется более реальным. Заставляет шевелиться. Я неожиданно улыбаюсь широкой улыбкой и включаю двигатель внедорожника.

– Этого я тоже не знаю. Первый пункт: купить карту.

В наши дни большинству людей это показалось бы странным, но никто из нас не может рисковать и выходить в Интернет – ведь «Авессалом» способен отслеживать всё.

Чем дольше мы остаемся в тени, вне поля зрения кого бы то ни было, тем лучше.

* * *

На купленной нами карте Мейкервилла не обнаруживается, и в конце концов я обращаюсь с вопросом к старику, который сидит в кресле-качалке перед магазинчиком самого провинциального вида. Старик смотрит на меня, прищурив глаза цвета старой меди – когда-то они, наверное, были темно-карими, – и качает головой.

– В Мейкервилле людям делать нечего, – говорит он мне. – Это место заброшено вот уже много лет. Даже почтовое отделение закрылось еще в шестидесятых. Там нет ничего, кроме развалин.

Звучит не особо обнадеживающе, но тем не менее я получаю указания, в какую сторону ехать. Наша цель находится довольно далеко, по меньшей мере в нескольких часах езды, и к тому времени, как мы достигаем окраин Нэшвилла, уже смеркается.

– Сядешь за руль, переночуем в машине или снимем комнату? – Я стараюсь, чтобы в этом вопросе не прозвучало даже намек на сближение, потому что, видит бог, сейчас совершенно не время для этого, даже если бы такая возможность была. – Две комнаты, я имею в виду.

Гвен, как всегда, практична.

– Комната с двумя кроватями сойдет, – отвечает она. – Где-нибудь, где подешевле. Нет смысла приезжать в Мейкервилл усталыми и дожидаться там рассвета, верно?

– Верно, – соглашаюсь я. – Где-нибудь подешевле. Ясно.

Полчаса спустя выбираю местечко под названием «Френч инн» – придорожный мотель, лучшие дни которого миновали еще в пятидесятые годы, если не раньше. Это скучное кирпичное здание, выстроенное в форме буквы U, расположенное на склоне холма и обладающее скромной привлекательностью морга. На маленькой стоянке припаркованы две машины, номеров в мотеле приблизительно двадцать – весь первый этаж.

Я оборачиваюсь к Гвен, приподняв брови.

– Звонил Норман Бейтс[5 - Норман Бейтс – вымышленный персонаж, психопат, страдающий раздвоением личности, герой знаменитого триллера Альфреда Хичкока «Психо» и его сиквелов. По сюжету, содержал мотель, в котором совершались таинственные убийства постояльцев.]; он хочет, чтобы ему вернули занавеску для душа.

Гвен смеется – и это настоящий смех. Теплый.

– Выглядит заманчиво.

– «Бедбаг сентрал»[6 - «Бедбаг сентрал» – служба по борьбе с клопами в США.] рекомендует, – отзываюсь я, поворачивая руль. Мы въезжаем на стоянку, такую же неровную и потрескавшуюся, как краска на дверях мотеля, и паркуемся на одном из множества свободных мест. – Жди здесь. Если тут есть камера, я не хочу, чтобы ты на ней засветилась.

У Гвен куда более узнаваемое лицо, чем у меня, и если нам повезло, то «Авессалом» еще не почесался раздобыть фотки моей физиономии. Для уверенности я надеваю кепку с эмблемой бейсбольного клуба «Майами марлинс», купленную в магазине распродаж, натягиваю ее пониже и направляюсь в мотель. Прежде чем закрыть дверцу машины, бросаю на Гвен пристальный взгляд.

– И заблокируй двери.

– Обязательно.

Она вооружена и отлично стреляет, и я не особо тревожусь, оставляя ее одну. Гвен Проктор никуда не пойдет – по крайней мере, не подняв шума. А если какой-нибудь случайный хищник решит на нее напасть, его ждет большой сюрприз.

Администрация мотеля, как и можно было ожидать, не проявляет ни малейшего энтузиазма относительно постояльцев. За стойкой сидит мужчина с обвисшим лицом и пустым рыбьим взглядом человека, который в этой жизни видел всё – и плевать хотел на бо?льшую часть увиденного. Я получаю на руки ключ с заляпанной пластиковой биркой, расплачиваюсь наличными и снова выхожу на стоянку. Вся процедура заселения занимает от силы две минуты.

Мы оставляем машину там, где припарковали ее, почти под самым прожектором, светящим с козырька мотеля, только забираем из нее все ценное. Нам отвели комнату под номером три, и когда я отпираю и распахиваю дверь, наружу просачивается знакомый запах хлорки и отчаяния. Угнетающий запах. По крайней мере, включив свет, я не вижу тараканов, разбегающихся в поисках укрытия, и обстановка выглядит достаточно чистой, хотя я не отказался бы пройтись по всем поверхностям ультрафиолетом.

Мебель выглядит куда менее приятно – такое впечатление, что ее купили на самой дешевой гаражной распродаже. На обвисшем потолке виднеются высохшие потеки воды. В комнате, как мы и запрашивали, две кровати, и я указываю Гвен на ту, что расположена ближе к санузлу, – единственно по той причине, что эта кровать находится дальше от входной двери. Смотрю, как Гвен приподнимает застиранное покрывало, свисающее до самого ковра, и наклоняется, чтобы заглянуть под кровать. Потом достает из своей сумки фонарик и проверяет снова.

– Что ты высматриваешь? – интересуюсь я.

– Страшных типов, – отвечает она. – Трупы. Закладку метамфетамина. Кто знает?

Неожиданно мне кажется, что проверка – чертовски хорошая идея, поэтому я одалживаю у Гвен фонарик. Стою, наклонившись и рассматривая мумифицировавшийся презерватив и по меньшей мере три пустых бутылки – печальные следы прошлых постояльцев, – и одновременно спрашиваю:

– Пойдешь в душ вечером или утром? Потому что, полагаю, горячей воды здесь хватит только на кофемашину и на двухминутный душ раз в несколько часов.

– Лучше вечером, – отвечает Гвен. – Тебе не нужно сперва сходить в туалет?

Выпрямляюсь и качаю головой. Гвен избегает смотреть на меня прямо. Она подхватывает свою сумку и несет в санузел, и я слышу, как дверь со щелчком запирается на щеколду.

Я могу либо сидеть и слушать, как она раздевается, ибо сделать что-нибудь полезное. Выбираю сходить за едой.

Вернувшись, обнаруживаю, что Гвен уже вышла из душа, и запах отчаяния в номере сменился теплым фруктовым ароматом. Она полностью одета, не считая обуви, и я это одобряю. Уязвимость во время сна – это не то, что я бы порекомендовал в нашем положении. Протягиваю ей пакет с бургером и картофелем фри вместе с банкой газировки, и некоторое время мы просто сидим на разных кроватях, утоляя аппетит.

– Мне нужно спросить, – произносит Гвен. – Это звонил твой друг из ФБР? Майк?

Я молча киваю. Над говяжьими котлетами в этих бургерах кто-то явно жестоко поиздевался, но я все равно съедаю всё до кусочка. Моему организму нужно топливо.

– А почему агент ФБР помогает нам?

– Потому что иногда я оказываю ему услуги, и на сегодня он в долгу передо мной не менее трех раз. Кроме того, ему не хватает людей для работы на местах, и он считает, что я, вероятно, более надежен, чем полиция штата.

– Только «вероятно»?

Я пожимаю плечами:

– Майк не из тех людей, которые могут полностью доверять кому-то. Он не поведал мне никаких подробностей относительно своей наводки, так что вся его

информация записана на этой самой бумажке. «Арден Миллер, Мейкервилл». Адреса у него нет, но Майк сказал, что это нам не понадобится. Если Мейкервилл – город-призрак, то это, скорее всего, правда.

– И как этот человек по имени Арден связан с Мэлвином?

– Люстиг возглавляет отдел, занимающийся расследованием деятельности опасных интернет-групп. За «Авессаломом» они следят, и, должно быть, Арден как-то связан с этим.

– Так мы имеем дело с отшельником? С выживальщиком? С кем?

– Понятия не имею, – отвечаю я. – Но мы должны быть чертовски осторожны.

– Да, кстати, об этом... Прежде чем мы направимся прямо в тот городишко, нужно попытаться узнать что-нибудь об этом Ардене Миллере и попробовать найти какую-нибудь карту этого места. Утром мы можем завернуть в местную библиотеку. Я пошарю оттуда в Интернете, а ты пороешься в книгах. Как тебе такой план?

– Разумно. – К этому моменту мы уже доедаем бургеры – приканчиваем их с быстротой, свидетельствующей о том, что нам не хочется распробовать их вкус. Я выбрасываю обертки в мусор и, раз уж все равно поднялся, пристально осматриваю дверь. Она запирается на хлипкую цепочку, которую явно уже несколько раз рвали, а дверь и рама, судя по виду, не выдержат даже сильный ветер, не то что хороший пинок.

– А что у нас с санузлом? – спрашиваю я. – В плане безопасности, естественно.

– Там есть окно, но оно маленькое, забрано решеткой, и пожарного выхода нет.

– Значит, не будем учинять пожар. – Я подтаскиваю к двери стул с обивкой цвета детской неожиданности и подпираю им дверную ручку. Вряд ли это особо поможет, но это лучше, чем ничего.

– Во сколько ты собираешься встать утром? – спрашивает меня Гвен. Голос ее звучит немного напряженно. Нервы. Это вполне обычный вопрос, но ощущение

такое, что он задан супругу или любовнику, и мы оба чувствуем этот тайный смысл, буквально висящий в воздухе. Я отхожу к своей кровати, снимаю с пояса джинсов кобуру и кладу на прикроватный столик. Наплечная кобура Гвен уже висит на спинке кровати, словно некая зловещая деталь снаряжения для БДСМ-игр.

«Наверное, лучше не думать в этом направлении», – говорю я себе и, наклонившись, начинаю расшнуровывать ботинки.

– Семь часов – достаточно рано, – отвечаю я. – Или в какое там время нападают волколаки?

– Мне кажется, мы скорее на территории зомби, – отзывается Гвен. Она сидит, скрестив ноги, поверх покрывала, но потом поднимается, откидывает одеяло и, удостоверившись в отсутствии клопов, заползает в постель. – Ну ладно, спокойной ночи.

Звучит это неловко. И ощущается так же.

Мой второй ботинок падает на пол. Я задвигаю оба ботинка под столик, где смогу без труда дотянуться до них в случае чего, потом откидываюсь на подушку. Матрас комковатый и продавленный – вполне в тон моему подавленному настроению.

– Доброй ночи, Гвен. – Это тоже звучит нелепо.

В течение нескольких долгих секунд в комнате царит тишина. В глубине моей груди зарождается смех, такой же глупый и неудержимый, как взболтанная бутылка шампанского, и в конце концов я, не в силах подавить его, начинаю смеяться.

Гвен тоже смеется. Это славный, очищающий смех, и после него в этой унылой комнате словно бы становится светлее.

– Извини, – выдавливаю я наконец. – Просто это выглядит так вежливо... Черт побери, мы ведь взрослые, верно? Почему это так...

– Хороший вопрос, – отзывается она, повернувшись на бок, чтобы видеть меня. Мне больше не смешно. – Так почему?

– Ты знаешь почему, – говорю я ей.

– Я хочу услышать, как ты скажешь это вслух – всего один раз.

– Потому что между нами стоят мертвые, – произношу я, и в один миг все веселье испаряется. Правда настолько ужасающа, что нависает над нами, подобно призраку, и по моему телу пробегает дрожь, кожа покрывается мурашками. – Начиная с моей сестры.

Гвен, не дрогнув, встречает эту призрачную правду лицом к лицу.

– И все те девушки, которых я должна была суметь спасти. Даже сводный брат Мэлвина... ты знаешь, что он покончил с собой? Он не мог больше выдержать отчуждения, которым оказался окружен в своем маленьком городе, и преследования со стороны всех этих диванных интернет-воинов. – Она сглатывает, и я жалею о том, что вообще поднял эту тему. – В своем последнем посте в соцсетях он заявил, что это была моя вина, что если б я была хорошей женой, Мэлвин никогда бы...

– Это полная хрень, – прерываю я ее. Мой голос звучит сердито, вопреки моим намерениям. – Ты в этом совершенно не виновата. Винить тебя глупо. – Умолкаю на секунду, потом на другую, потому что стою на грани признания в том, в чем не намерен был признаваться. Потом переступаю эту грань. – Я выслеживал брата Мэлвина. Так же как выслеживал тебя. Я знал, где он живет. Я знал, где живете вы все.

Гвен застывает, и я вижу, что она колеблется. На самом деле она не хочет задавать этот вопрос, но, как всегда, не станет поворачивать назад.

– Ты посылаю ему «письма ненависти», Сэм?

Я смотрю на потек на потолке – ржавого цвета и неправильной формы, напоминающей очертания Австралии. Мои колебания тянутся очень долго, прежде чем я собираюсь с духом, чтобы сказать:

– Да, посылал. И тебе тоже. В то время это казалось правильным и легким. Своего рода правосудием. Но эти письма просто уничтожали тебя в замедленном темпе, по одному письму за раз. И я сожалею об этом. Боже, Гвен, я ужасно сожалею.

На последних словах в моем голосе прорезается болезненная хрипотца, и я знаю, что Гвен слышит это. И понимает, что эта боль так же искренна, как смех, с которого начался этот разговор.

Краем глаза я вижу, как Гвен встает с постели. Она садится на край моей кровати и берет меня за руку. В голливудском фильме в этот момент заиграла бы музыка, мы поцеловались бы, и между нами вспыхнула бы неожиданная страсть – а дальше пошла бы эротическая нарезка: обнаженные тела, озаренные мягким золотистым светом, снятые под странными углами.

Но мы не в фильме, и нам больно, и вместо этого я просто рассказываю ей полупшепотом о той ненависти, которую когда-то испытывал. Рассказываю о том, как был одержим жадной кровной мести. Это не романтично. Это отвратительно. Но, отзвучав, этот рассказ, точно так же как и смех несколькими минутами ранее, оставляет в воздухе странное ощущение чистоты.

Гвен сжимает мою руку и говорит:

– Все это время ты ненавидел его. Не меня. По крайней мере, сейчас у нас обоих есть правильная цель.

В том, что она сейчас сделала, заключается милосердие – такое редко встретишь. Это прощение, жалость и понимание, и я, не думая, подношу ее руку к губам и нежно целую ее пальцы. Я мог бы по памяти нарисовать ее – до последней черточки. Абрис ее ладони выжжен на моей руке с почти осязаемой четкостью.

Потом я отпускаю ее руку. Я ничего не говорю. Не могу.

Гвен выжидает несколько секунд, но я не шевелюсь, и она возвращается в свою кровать. Я слышу, как шуршит одеяло. Гвен выключает свет, и в комнате становится темно.

Черт возьми, я дурак.

Я сплю плохо. Мне раз за разом снится человек, прыгающий с крыши шестиэтажного здания в деловом центре Топики. Я читал в газетах об этом самоубийстве. Брат Мэлвина пришел на работу, одетый в новенький костюм, поднялся на крышу, снял галстук и ботинки. Потом аккуратно положил их рядом со своими часами, бумажником и письмом, в котором он извинялся перед своим начальником за весь этот беспорядок... а потом шагнул с крыши. Это было два года назад, безоблачным июньским днем.

Но когда во сне я вижу лицо падающего с высоты человека, то понимаю, что это не брат Мэлвина. Это я.

4

Гвен

Мы проводим целый день в публичной библиотеке, обшаривая полки и Интернет – и платя грабительские цены за распечатку материалов, – и в итоге получаем папку, примечательную своим малым объемом, однако это вся информация о Мейкервилле и Арден Миллер, которую нам удастся найти. Мы засекаем четырнадцать человек по имени Арден Миллер, но лишь двое из них проживают в Теннесси, и один из них живет в доме престарелых – вряд ли это тот, кто нам нужен. Остается только один, точнее, одна Арден Миллер – высокая, рыжеволосая, тридцати четырех лет от роду, примечательная тем, что в таком возрасте у нее нет ни единой учетки в соцсетях. Мы нашли несколько фотографий, на которых она отмечена, но их совсем мало, к тому же на всех Арден Миллер вышла нечетко. На самом лучшем из этих снимков она носит шляпу с широкими обвисшими полями и огромные солнцезащитные очки, к тому же наполовину отвернулась от объектива, придерживая свою шляпу, чтобы не унесло порывом ветра.

Я понятия не имею, зачем мы ищем ее или почему, черт побери, она живет в такой глуши, в городке, заброшенном вот уже сорок лет. Или, если уж на то пошло, почему Майк Люстиг хочет, чтобы мы искали ее, если не считать того, что она каким-то образом связана с делом моего бывшего мужа.

Мы снова проводим ночь все в том же «адском мотеле», и я благодарю Господа за то, что напряжение между нами ослабло. Теперь все кажется яснее. Проще. И когда засыпаю, я впервые за долгое время чувствую себя в безопасности. Это уже немалое достижение, потому что «Френч инн» по-прежнему выглядит так, словно за годы своего существования он был безмолвным свидетелем сотен ужасных преступлений.

На следующий день мы отправляемся в Мейкервилл. Едем по таким глухим местам, что можно было бы без труда поверить, будто на всей земле не осталось никого, кроме нас, – если б не вездесущие самолеты, бороздящие небо над нашими головами и оставляющие инверсионные следы в атмосфере. Дорога несколько раз поворачивает, становясь все более узкой и ухабистой; она ведет вверх, в холмы, труднопреодолимые как для пеших туристов, так и для внедорожников.

Я сделала приблизительный расчет километража и сейчас предупреждаю Сэма о том, что мы близко к цели. Сворачиваем к обочине и оставляем машину на небольшой прогалине за деревьями, так что ее почти не видно с дороги. Потом направляемся по пешеходной тропе туда, где некогда находился Мейкервилл. Если верить хроникам, это место никогда не было особо процветающим; когда перестала действовать железнодорожная ветка, немногие предприятия, открытые здесь, разорились, и большинство обитателей переехали куда-нибудь или же умерли, цепляясь за свои разрушающиеся дома. В 1970-х годах закрылась почтовая контора, совмещенная с универсальным магазином, и магазин антиквариата, который, скорее всего, был оставлен с дверьми нараспашку и с вывеской «БЕРИТЕ, ЧТО ХОТИТЕ» в витрине. Мы нашли вырезку с выражениями печали по умершему своей смертью городку – заметка была написана в том самодовольном тоне, которым обитатели больших городов повествуют о скорбях сельских жителей. А после... ничего.

Мы сомневаемся, что нам удастся обнаружить что-либо значительное, и когда выходим из леса, чтобы взглянуть с холма на маленькую долину, где располагался город, то в свете полуденного солнца он выглядит как декорация к фильму. Четырехэтажные здания на главной улице все еще стоят – в основном потому, что некогда были построены из кирпича; но большинство других домов, возведенных из дерева, находятся на разных стадиях разрушения – потемневшие от непогоды, подгнившие, покосившиеся или же рухнувшие окончательно. Катастрофа в замедленной съемке. Некоторое время мы наблюдаем, припав к земле, однако не замечаем никакого движения – лишь

птицы порхают туда-сюда, да пару раз между домами проскальзывают тощие бродячие коты. Дверь, висящая на одной петле, зловеще скрипит на ветру.

– Если Арден Миллер здесь, – говорю я, – она должна быть в одном из кирпичных зданий. Верно?

– Верно, – соглашается Сэм и встает. – Давай договоримся прямо сейчас: мы не будем стрелять, пока не выстрелят в нас. Хорошо?

– Может быть, сделаем исключение для ножей? И для дубинок?

– Ладно, – Сэм кивает. – Но смертельных ран не наносить. Нам нужно расспросить Арден, а не приволочь ее тушку в качестве трофея.

Это ставит нас в очень невыгодные условия. Но он знает это.

Когда мы спускаемся по холму, я замечаю отблеск стекла под какими-то косо наваленными рекламными щитами и дергаю Сэма за рукав, привлекая его внимание. Мы подходим ближе, чтобы рассмотреть. Это машина. И не какой-то реликт, оставшийся здесь со времен, когда городок был населен; это средней величины автомобиль, похоже, топливосберегающий, не старше пяти лет. Мне повезло, что я его заметила. Кто-то приложил усилия для того, чтобы спрятать его; судя по блеску, который я заметила, машина отнюдь не брошена здесь. Скорее всего, ее припарковали совсем недавно.

Мы подбираемся к машине, держась как можно более скрытно. Я осторожно касаюсь ладонью капота – холодный. Стараюсь действовать так, чтобы не сработала сигнализация... и это наводит меня на мысль. Я переглядываюсь с Сэмом – мы опять думаем совершенно синхронно.

– Сделай это, – командует он.

Я с силой дергаю за ручку дверцы – заперто, – и тишину разрывает прерывистый вой, болезненно отдающийся в ушах. Мы с Сэмом прячемся в тени и ждем. Вскоре из открытых дверей одного из кирпичных зданий выбегает тощая рыжеволосая женщина, отбрасывает в сторону щиты и сердито смотрит на машину. Мигающие фары и поворотники заливают ее лицо то ярко-белым, то

золотистым светом, она нашаривает в кармане куртки ключи и выключает сигнализацию.

В наступившей тишине я спрашиваю:

– Арден Миллер?

Она едва не падает и начинает быстро пятиться назад, но Сэм преграждает ей путь, и она отскакивает от него к машине, едва не карабкаясь на капот. Я вижу на ее лице страх.

– Оставьте меня в покое! – кричит Миллер, потом бросается ко мне, надеясь оттолкнуть меня и сбежать.

Я спокойно достаю пистолет и навожу на нее, и она останавливается так резко, что в воздух летят сухие листья и гравий с дорожки. Руки женщины вздергиваются вверх, как будто к ним привязаны ниточки.

– Не убивайте меня, – просит она и начинает судорожно рыдать от ужаса. – О боже, не убивайте меня, прошу вас, я могу заплатить, я отдам вам все деньги, я все сделаю...

– Спокойно, – говорю я ей. Звучит как приказ; я понимаю, что это контрпродуктивно, поэтому сбавляю тон. – Мисс Миллер, никто не собирается причинять вам вред. Дышите глубже. Успокойтесь. Меня зовут Гвен. Это Сэм. Понимаете? Успокойтесь.

На третьем повторе до нее наконец доходит; она втягивает воздух ртом и кивает. Арден Миллер не очень похожа на свои фотографии. Волосы у нее по-прежнему рыжие, но обрезаны коротко и неровно, и сейчас она носит очки с толстыми линзами, увеличивающими ее голубые глаза. Она по всем стандартам симпатичная женщина, но есть в ней нечто...

Мне требуется пара минут, чтобы заметить это. Арден Миллер родилась отнюдь не женщиной, но смена пола была проведена почти безупречно. Она двигается совершенно правильно, с нужным распределением веса. Если и подвергалась пластической хирургии, то операции не оставили шрамов или иных заметных

следов. Она выглядит более женственно, чем я, и действует тоже.

– Они послали вас? – спрашивает Миллер, переводя взгляд наполненных слезами глаз с меня на Сэма и обратно. – У меня их нет! Я клянусь, что у меня их нет. Пожалуйста, не причиняйте мне вреда, я вам все расскажу!

– Нет чего? – спрашивает Сэм, и она вздрагивает. Я жестом прошу его не настаивать, и он умолкает. Я прячу пистолет в кобуру.

– Знаете что, Арден, давайте просто где-нибудь присядем. Есть здесь место, где вам будет более удобно?

Она всхлипывает и промокает глаза с тщанием человека, который знает, как не размазать тушь. Потом говорит:

– В доме. Я хочу сказать, там почти ничего нет. Я приехала сюда, чтобы работать.

– Хорошо, – соглашаюсь я, – пойдете в дом.

* * *

Работы Арден оказываются просто потрясающими. Я мало разбираюсь в искусстве, но даже я могу сказать, что при помощи красок она создает на холсте нечто феноменальное – увековечивает распад, разрушение и красоту. Она берет Мейкервилл и из мрачного превращает его в поразительный. К стенам прислонены на просушку шесть картин. Арден работает в помещении бывшей почты-магазина, где, как ни странно, еще уцелели стекла в витрине. Витрина выходит на восток, так что утром через нее проникает солнечный свет. Сейчас в помещении горят лампы, к тому же Арден где-то раздобыла вполне чистый диван. Мне кажется, она иногда остается здесь на ночь; на диване лежит скатанный спальный мешок, а в углу – достаточно новое туристическое снаряжение. Арден принесла сюда еще и старый стол с откидывающейся крышкой – явно утащенный из антикварного магазина, – который темнеет у дальней северной стены. На столе стоит ноутбук. Здесь нет вай-фая, так что она, вероятно, пользуется для выхода в Интернет сменным сотовым телефоном и анонимайзером. Я тоже так делаю.

Арден уже чувствует себя лучше; вид ее картин, ее берлоги явно придает ей спокойствия и силы. Она подводит нас к дивану, мы с ней присаживаемся, а Сэм остается стоять, рассматривая картины. Арден все время поглядывает на него, но обращается она ко мне.

- Что вам нужно? - встревоженно спрашивает она. - Это они вас послали?

- Нас никто не посылал, - отвечаю я. Это не совсем правда, но достаточно близко. - Мы просто подумали, что вы, вероятно, сможете помочь нам, Арден.

Она чуть выпрямляет спину, и от меня не ускользает настороженный блеск в ее глазах.

- Помочь с чем?

- С «Авессаломом». - Я отчетливо выговариваю это слово и вижу, как ее охватывает острая паника. Она сидит совершенно неподвижно, словно боясь сломаться. Я продолжаю, действуя вслепую, наудачу: - Они охотятся и за мной тоже. И за ним. Нам нужно узнать, как остановить их.

Арден резко выдыхает и складывает руки на груди. Жест защиты - но не против меня.

- Я по большей части стараюсь держаться вне поля зрения, - отвечает она. - Так что они не могут меня найти. Вам тоже нужно так сделать.

- Я пытаюсь, - говорю я ей, потом пробую разыграть другую карту: - Когда вы покинули эту группу?

На этот раз она даже почти не колеблется. Я чувствую, что ей отчаянно хочется рассказать эту историю ради простого человеческого контакта. Дружеского тепла, пусть даже мимолетного.

- Примерно год назад, - отвечает Арден. - Понимаете, я никогда не состояла во внутреннем круге. Сначала это была просто игра. Троллинг педофилов. Травля людей, которые заслуживали это. Или... по нашему мнению, заслуживали. К тому же нам платили за то, что мы это делали.

На этот раз уже я выпрямляюсь. Никогда не рассматривала подобный вариант.

– Платили? Кто?

Арден смеется. Этот смех звучит как шорох листьев в сухом мертвом лесу.

– Можно подумать, я знаю... Но платили хорошо. И меня все устраивало, пока... пока я не узнала, почему мы это делаем. Мелкой сошке вроде меня об этом, конечно, не рассказывали, но как-то раз один из вышестоящих участников группы проболтался и упомянул об этом.

Я сглатываю. Почему-то мне отчаянно хочется пить, как будто я ползком пробираюсь через пустыню. Но сейчас я на самом деле оказалась на незнакомой территории.

– Вы расскажете мне? Почему они это делают?

– Потому что люди, которых они шантажируют, перестают платить. Тогда нас посылают, чтобы наказать этих людей и заставить снова раскошелиться, – отвечает она. – У «Авессалома» есть много чего на этих людей, и если те перестают платить, на них спускают всех собак. Знаю, что я сука, но не настолько же! – Арден снова смеется, и смех ее звучит ничуть не веселее, чем в прошлый раз. – То, что кто-то ради бабла разрушает жизни людей... это попросту неправильно.

Чтобы выйти из ступора, я пытаюсь заново пересмотреть тот образ «Авессалома», который существовал в моей голове прежде. Я считала их группой фанатиков-манипуляторов, занимающихся этим из чистой жажды власти над людьми и кровожадности... но теперь все сделалось куда серьезнее. Циничнее. Платил ли им Мэлвин за то, что они выслеживали меня? Каким образом? Сидя в тюрьме, он не имел доступа к деньгам. Быть может, оказывал им какие-то услуги взамен?

Иметь дело с увлеченными, сумасшедшими троллями-психопатами – это одно. Иметь дело с теми, для кого охота на людей – просто работа... это может оказаться намного хуже.

– Арден, – я подаюсь вперед, стараясь выразить искренность и добрые намерения, – почему «Авессалом» обратился против вас?

Ее лицо искажает гримаса, она взмахивает рукой, указывая на свое тело.

– Они узнали. Многие из них ненавидят женщин. И все они ненавидят транссексуалок. Все было замечательно, пока у меня был член. Когда у меня его не стало, они взъярились так, как будто я пыталась отрезать их собственные. Начали размещать посты обо мне. Я отбивалась. Когда это продолжилось, я скачала с сервера кучу их платежных документов и сказала, что, если они от меня не отвяжутся, я опубликую эти документы. Я думала, что это их остановит. – Арден отводит взгляд. – В тот день у меня в гостях была подруга. Я вышла, чтобы купить нам китайской еды. А когда вернулась, в моей квартире был пожар. Сгорело все здание, погибли семь человек.

– И... вы считаете, что это не было несчастным случаем, – говорю я. – Извините.

Она кивает, борясь с новым приступом слёз.

– На какое-то время они решили, что разделались со мной. Но я постоянно переезжала, искала места, где можно спрятаться. Одно хорошо – у меня есть картины, и специалисты из галереи искусства, которым я их показывала, сказали, что я очень хорошо пишу. Мне нужно продать эти картины и уехать в другую страну. Может быть, в другом месте будет проще... Возможно, в Швеции.

– Те файлы, которые вы скачали, – говорю я. – Арден... они все еще у вас?

Я молюсь, чтобы она сказала «да», но Арден лишь печально смотрит на меня и качает головой.

– Файлы хранились на флешке. Она сгорела вместе со всем остальным. Теперь мне нечем сдерживать их, и я напугана до смерти. А вы, Гвен?

– Я тоже, – признаюсь я. – Вы уверены, что не знаете ничего, способного помочь мне?

Арден раздумывает над этим. Снимает со своих джинсов случайно прицепившийся рыжий волос и отпускает его, глядя, как тот падает в луче света.

– Я знаю одну вещь, – произносит она наконец. – Тот ублюдок, который больше всех доставал меня... я знаю, где он живет. Это было последнее, что я узнала перед тем, как меня напугали настолько, что я не стала копать дальше.

Смотрю на Сэма. Тот оборачивается к нам и кивает.

– Тогда... вы скажете нам? Может быть, мы наведаемся к нему вместо вас?

Арден складывает руки на коленях, садится очень прямо и смотрит мне в глаза. В ее взгляде я читаю вызов. Гнев. Страх. Но самое главное – решимость.

– Я не была хорошим человеком, – говорит она. – Я ненавидела себя, я думала, что весь мир – дерьмо и что все заслуживают того, что получают. Я хотела, чтобы все страдали так же, как я. Но с тех пор я изменилась. И мне жаль всех тех людей, которых я преследовала в Интернете. Никогда не думала... – Она умолкает и встряхивает головой. – Я знаю, что это ничего не значит. Но если вы сможете прижать этого типа, может быть, это будет верный шаг... У вас есть ручка?

Я оставила ручку и бумагу в машине, но Арден лишь пожимает плечами, отходит к столу и достает из ящика все нужное. Затем записывает что-то на листе бумаги, возвращается и протягивает его мне. Я моргаю, потому что ожидала увидеть адрес.

– GPS-координаты, – поясняет Арден. – Они указывают на хижину в заднице мира, в штате Джорджия. Но будьте осторожны, Гвен. Будьте очень осторожны. Я – ужасный человек, но этот тип – само зло. Мне даже думать о нем жутко.

– Спасибо, – говорю я, убирая бумагу. Потом встаю, но задерживаюсь на несколько секунд. – С вами все будет в порядке?

Арден смотрит на меня снизу вверх. Глаза у нее ясные, идеально очерченный подбородок решительно вскинут. Я узнаю? этот взгляд. Видела его в зеркале. Он

возникает, когда ты обуздываешь свой страх и используешь его как топливо для того, чтобы двигаться дальше.

- Пока что - нет, - отвечает Арден. - Но когда-нибудь будет. Да. Будет.

Я протягиваю ей руку, и она пожимает ее. Сэм подходит ближе, и я вижу, как тело Арден слегка напрягается. Она боится мужчин, и я задумываюсь о том, какие жестокости ей пришлось претерпеть. Но Сэм просто протягивает руку, как и я, и Арден в итоге отвечает рукопожатием и ему.

- Вы действительно хорошо рисуете, - говорит он ей. - Продолжайте и дальше. И берегите себя.

Она улыбается ему - слабо, настороженно.

- Буду. И вы тоже. Оба.

* * *

Звоню детям из телефона-автомата - трубка липкая от пота и пахнет прокисшим пивом. Коннор, как обычно, молчалив, а Ланни выдерживает вежливый отстраненный тон, и это показывает мне, как она злится на меня за мой отъезд. Меня это раздражает. Меня раздражает то, что мне пришлось оставить их. «Это ненадолго. Быть может, эта разлука пойдет нам на пользу».

Повесив трубку, я думаю о том, что, может быть, нужно предоставить Сэму продолжать погоню без меня. Но, несмотря на всю боль и вину, я знаю, что, скорее всего, не сделаю это. Мне нужно остановить Мэлвина.

«Еще несколько дней».

Для того чтобы добраться по указанным GPS-координатам, которые дала Арден, нам требуются еще сутки, и я надеюсь, что это не просто случайные цифры, которые она нацарапала, чтобы отделаться от нас. Однако Арден права, эти координаты ведут в полную задницу мира в Джорджии - такую глухомань не везде и найдешь. После небольшой дискуссии Сэм звонит своему другу, агенту Люстигу, и мы пересказываем ему то, что узнали от Арден. Люстиг заявляет, что

проверит всё, когда у него образуются свободные люди.

Мы решаем, что это, возможно, никогда не произойдет и что нам недосуг ждать.

Несколько часов спим во внедорожнике, припарковав его на обочине трелевочной дороги, и когда Сэм наконец будит меня, уже стоит ночь. Холодная и сырая. Влага, оседающая из воздуха, рисует изящные кружевные узоры на лобовом стекле нашей машины.

- Нам нужно выдвигаться, - говорит Сэм. - Посмотрим, дома ли этот тип.

- Сообщи Люстигу, что мы идем туда, - предлагаю я.

- Майк скажет нам не ходить.

- Ну, тогда пусть сам тащится сюда и попробует остановить нас.

Сэм улыбается, набирает номер и попадает на автоответчик. Оставляет Люстигу краткий отчет о том, где мы находимся и что собираемся сделать, потом выключает телефон и кладет его в карман. Я тоже выключаю свой аппарат.

- Готова? - спрашивает он меня. Я киваю. И мы идем.

Это трудный подъем по крутому скользкому склону, и если б мы не знали, куда направляемся, то, несомненно, пропустили бы эту точку.

Я опускаюсь на колени под прикрытием невысокого кустарника, в тени кривой сосны. Маленькая хижина, максимум в две комнаты, но поддерживается в хорошем состоянии. Окна закрыты пестрыми занавесками. Аккуратная поленница ждет того времени, когда сможет подарить обитателям дома тепло и уют. Но сегодня никто не топит печь. Из трубы не идет дым.

В главной комнате мерцает свет. «Кто-то дома». Мы с Сэмом условились пронаблюдать и сообщить о том, что увидим, но внутрь не входить, пока не убедимся, что там никого нет. После предупреждения Арден нам вовсе не улыбается ввязаться в драку с психопатом. Поэтому мы намерены подождать, пока он уйдет... или вернуться попозже. Мне холодно, и я склоняюсь ко второму

варианту, потому что вокруг и так непроглядно темно, а ветер совсем ледяной, такой, что у меня даже слезы наворачиваются на глаза. Каждый порыв буквально режет щеки, словно острый край бумаги. У меня окоченело все тело, я хочу вернуться домой, обнять своих детей и не разжимать объятия. Никогда.

Но я жду в течение нескольких долгих часов, пока в хижине мерцает свет, включается и выключается телевизор. «Уходи», – молю я человека внутри, но тот не уходит. Мысленно я прикидываю, что бы мы хотели получить от этой вылазки. Написанный от руки перечень настоящих имен других хакеров «Авессалома» – это было бы здорово. Такого, конечно же, не будет. Но мне пригодились бы какие-нибудь зацепки в Интернете, которые мы могли бы передать ФБР, чтобы те прошли по этому следу. Друг Сэма может добыть для нас полезные сведения.

Впрочем, по меньшей мере, мы нашли для Майка Люстига подозреваемого. Это уже должно кое-чего стоить.

В хижине играет радио. Что-то тихое и низкое. Кажется, джаз. Может быть, это стереотипы, но я ожидала, что хакер будет слушать треш-метал. Колтрейн[7 - Джон Уильям Колтрейн (1926–1967) – выдающийся американский джазовый саксофонист и композитор.] здесь звучит почему-то совсем неуместно. Я отмечаю это лишь в тот момент, когда музыка умолкает; примерно минуту спустя в переднем окне зажигается свет. Со своей позиции за кустами мне не видна та сторона дома, но я вижу золотистый отблеск, падающий из окна на землю. И вижу, когда он тоже исчезает.

Наша цель ложится спать. «Наконец-то». Включаю телефон, чтобы посмотреть, сколько времени. Почти два часа ночи. Сэм бесшумно поднимается на ноги, и я пытаюсь сделать то же самое. Я сильна и неплохо натренирована, однако ползание по ночному лесу не входит в число моих навыков. Я просто стараюсь не сделать никаких явных глупостей. Сэм чиркает ладонью поперек горла – «с меня довольно»; он хочет временно оставить это и попробовать завтра. Нам нужно выбрать время, когда этого типа не будет дома, дабы избежать столкновения с ним. Я все понимаю, но меня злит эта задержка: быть так близко и не получить никаких ответов...

«Ты никому не хочешь причинять вреда, Гвен», – говорю я себе. Это вещают ангелы моей души. Мои демоны же кричат, что я, несомненно, хочу этого, что я хочу приставить пистолет к голове этого человека и потребовать ответа: по какому праву он превратил в ад мою жизнь и жизни моих невинных детей?

Каким больным на всю голову ублюдком нужно быть, чтобы принять сторону маньяка, хладнокровно пытавшего и убивавшего ни в чем не повинных девушек? Да еще и получать за это деньги?

Я не хочу уходить. Я хочу войти туда и спросить. Но знаю, что Сэм прав, а я отношусь ко всему этому ужасно эмоционально и предвзято. Я хочу, чтобы мой бывший муж умер, потому что каждый момент, проведенный им на свободе, несет боль и смерть людям. И приближает Мэлвина ко мне и моим детям.

Я заставляю себя согласиться и киваю Сэму – «да». Мы не будем подходить ближе, мы уйдем и вернемся завтра.

Мой глаз ловит размытое движение. Резко поворачиваю голову вправо и вижу, как маленький кролик выбегает из укрытия и мчится через открытое пространство перед хижинкой. За ним бежит черный кот – охотник преследует добычу. Оба движутся совершенно беззвучно. Жизнь и смерть – и все происходит у нас на глазах...

Бегущий кролик преодолевает примерно четверть пути через прогалину, когда неожиданно вспыхивает свет, ослепительно яркий, направленный так, чтобы осветить весь полукруг перед хижинкой. «Датчики движения!» Я снова прикипаю к земле и вижу, как Сэм делает то же самое. Мысленно даю себе пинка за то, что не рассмотрела прожектор, однако его сложно увидеть, пока он не включается, превращаясь в шар белого огня. Прожектор установлен глубоко под свесом остроконечной крыши, и когда я поднимаю руку, чтобы заслонить глаза от нестерпимого сияния, кажется, вижу, что он защищен чем-то вроде проволочной сетки.

До него нелегко добраться, его трудно обесточить или обмануть.

Кролик замирает, не пробежав и половины двора. Кот прыгает и впивается зубами ему в загривок. Кролик издает звук, до жути похожий на человеческий крик. Этот тихий писк обрывается, когда кот яростно встряхивает его, сжимая пасть. Коты – хорошие, эффективные убийцы.

Прикончив зверька, тот роняет обмякший меховой комок наземь, несколько раз поддает его лапой, потом уходит прочь, оставляя жертву лежать на месте.

Я думаю о своем бывшем муже.

Через тридцать секунд после того, как кот уходит, прожектор, срабатывающий от датчиков движения, выключается. Оглядываюсь на Сэма. Тот с угрюмым видом изучает место действия и наконец качает головой. Он считает, что эта хижина – очень плохое место. Вокруг нее витает ореол... я не знаю, как назвать это, разве что «тьма». Здесь наверняка происходили ужасные вещи. Я почти чувствую, как вокруг меня собираются призраки. Первый из участников группы «Авессалом», с кем я столкнулась, убил по меньшей мере двух девушек. А что сделал этот? Арден явно испытывала ужас перед ним.

Я впервые задумываюсь о том, один ли этот человек в своей хижине. Быть может, он разделяет пристрастия моего бывшего мужа? Быть может, держит здесь пленницу? Если мы уйдем прочь, то, быть может, оставим страдать кого-то еще?

Правильного выбора нет. По закону нам даже не положено здесь находиться. У нас почти ничего нет на этого человека, нет никаких доказательств того, что он сделал что-то плохое. Мы затеяли проникновение на частную территорию. Занимаемся преследованием, поскольку наблюдаем за этим местом уже несколько часов... и до сих пор даже краем глаза не увидели хозяина этого дома.

Все это время что-то грызло меня. А теперь вдруг смутный шепот на краю сознания превращается в крик. «Он должен был выглянуть наружу».

Охранный прожектор зажегся. Если этот человек так параноидально относится к тому, что сюда кто-то может заявиться, он должен был выглянуть наружу.

Я пытаюсь убедить себя, что он мог отвлечься, быть в другой комнате, в туалете, но все это по-прежнему бессмысленно. Хижина не настолько велика. Он все равно должен был хотя бы отдернуть занавеску или открыть дверь и заново включить прожектор, чтобы осмотреть окрестности.

Все эти лампы и телевизор включаются и выключаются с самого заката. В определенном порядке. Теперь, проигрывая все увиденное в памяти, я отчетливо это вижу.

Это просто таймеры. Боже... Там никого нет.

Конечно, я могу ошибаться, но мне наплевать. При виде смерти кролика, при виде капель крови, взлетевших в воздух, когда кот встряхнул его, я вспомнила фотографии, которые присылал мне этот человек – он или его мерзкие дружки. Снимки, которые очерняли жертв моего мужа, фотографии, на которых лица моих детей были прифотошоплены к телам жертв убийства и насилия, фото, изображавшие их в непристойном или ужасном виде. Этот человек – трус. Он скрывается здесь, в глуши, и терзает моих родных, – и вот я здесь, прямо у его порога. И не собираюсь уходить, не дав ему понять, что он больше нигде не найдет безопасности. Он нигде не спрячется от меня. Больше нигде.

Не думая о датчиках движения, я встаю и бегу к двери хижины.

Не успеваю сделать и пару шагов, как свет снова вспыхивает, но я не колеблюсь. Слышу, как Сэм бежит следом. Он не окликнул меня, и я немного удивлена тем, что Сэм последовал за мною. Я знаю, что он будет зол. Мы пересекаем открытое пространство и прижимаемся к стене по обе стороны от входной двери. Проходит, кажется, целая вечность, прежде чем свет выключается снова. Я моргаю, чтобы избавиться от кругов в глазах.

– Какого черта мы делаем? – шипит Сэм.

– Идем в дом!

– Гвен, нет!

– Да!

Нет времени для долгих споров, и он это знает. Бросает на меня взгляд, полный ярости и раздражения, однако все равно становится вполоборота, потверже расставляет ноги и впечатывает ботинок в дверь под самым замком. Дверь сотрясается, но не открывается. Сэм пробует снова. И снова.

Ничего. Эта дверь предназначена для того, чтобы выдержать худшее, чем удар ногой. Дверь – да, но не окна.

Обхожу хижину сбоку. Окно заперто, но раз уж мы за это взялись, я не намерена колебаться. Стекло оказывается вполне бьющимся, пусть даже толстым и двухслойным, и я, проделав достаточно большую дыру, протягиваю руку внутрь, нащупываю шпингалет и открываю окно, чтобы забраться внутрь.

Достаю пистолет, до этого мгновения лежавший в кобуре. Сэм уже держит оружие наготове, когда проскальзывает следом за мной и, перекатившись, встает на ноги.

Ни звука. Ни огонька. Я замечаю абажур и яростно нашариваю выключатель. Когда свет зажигается, мы видим пару обитых плюшем кресел, вязаный коврик, столик, на котором стоит лампа, книжные полки, на которых царит полный беспорядок, кухню с крошечной плитой и холодильником, выглядящим так, словно его сделали в пятидесятых годах.

Ни души.

Сэм не останавливается. Справа от нас дверь, он открывает ее и держит помещение под прицелом, пока я включаю верхний свет.

Двухспальная кровать, аккуратно застеленная темно-зеленым одеялом. За маленькой перегородкой – душевая и туалет.

Здесь тоже никого нет.

Сэм ныряет в крошечный санузел, затем выходит наружу.

– В душевой кабине все еще мокро. Но сегодня сырая погода, так что он мог уйти еще утром. – Смотрит на меня. – Тебе повезло. Гвен. Он мог быть и дома.

– Да ладно, он поставил всё на таймеры, а значит, его нет здесь. – Я фыркаю. – Если мы будем осторожничать, то ничего не добьемся, Сэм. И это не поможет мне защитить моих детей.

Сэм качает головой, однако не может винить меня за эти эмоции... он тоже любит моих детей, я это знаю. Наша дружба по всем стандартам может считаться странной, она не должна существовать, и иногда мне кажется, что я

качусь на коньках по тонкому льду над жуткой темной пропастью. Но Сэм хочет того же, чего и я. И это никогда не изменится.

Стоя здесь, в этой хижине, я снова ощущаю ауру тьмы. Этот человек ведет тайную жизнь. Я не знаю, какими извращениями он занимается, но знаю, что это нечто ужасное.

Тяжело видеть это самое обычное место, такое спокойное и аккуратное, и знать, что его хозяин занимается тем, что разрушает жизни других людей. Я зла. Вероятно, слишком зла. Мне хочется крушить все вокруг. И что останавливает меня? По правде говоря, мы уже совершили преступление, просто проникнув внутрь. Взлом и незаконное проникновение. Вандализм кажется мне вполне уместным дополнением.

– Осмотримся, – говорю я Сэму. – Должно быть что-то, что мы сможем забрать с собой. Что-то, что подскажет нам, чем он занимается. А если нам повезет, мы сможем отыскать его переписку с Мэлвином.

Сэм кивает, но многозначительно указывает на свои часы; если здесь есть какая-нибудь сигнализация, мы уже вляпались в неприятности. Однако я сомневаюсь в этом. Тот, кто ведет жизнь в такой глуши, редко полагается на экстренные службы. «Нашу безопасность обеспечивают Смит и Вессон». Если б этот человек был здесь или где-нибудь поблизости, он уже открыл бы по нам огонь. Мы в безопасности. Пока что.

– Бумаги, – говорю я Сэму. – Электронные записи. Все, что может оказаться полезным, ладно? Десять минут.

– Пять, – отвечает он и предоставляет мне заниматься делом.

В угол маленькой комнаты втиснут крошечный стол. Как и все остальное здесь, он невероятно чист и прибран, сделан из полированной кленовой древесины в простом деревенском стиле. Я открываю ящики, затем вытаскиваю их и переворачиваю, чтобы заглянуть за них и под них. Мы все равно не сможем скрыть следы своего вторжения, так почему бы не усугубить их?

Не нахожу ничего, что могу с первого взгляда назвать важным. В основном здесь хранятся расчетные квитанции. Распечатки, выглядящие не особо

информативно. Я сгребаю это все и сую в свой рюкзак.

У меня на руках перчатки, поэтому я не оставляю отпечатков пальцев. Все остальное сыпаю обратно в ящики и вставляю их на место. Потом проверяю шкаф. Там прячется огромный оружейный сейф, но, окинув его взглядом, я замечаю на его верху обувную коробку. Открываю ее. Снова квитанции. Упихиваю их в рюкзак. Одна падает за сейф, и пока я вслепую нашариваю ее, мои пальцы натываются на твердые края чего-то, не являющегося элементом сейфа или шкафа.

Я дергаю этот предмет, и он поддается.

Прикреплен на магнит. Отцепляю его от сейфа и вытаскиваю наружу. Это мелкая коробочка со сдвигающейся крышкой, похожая на старый пенальчик для хранения ключей, который моя бабушка когда-то прятала в нише колеса своей машины.

Но в этой коробочке лежит USB-накопитель.

Я ни за что не нашла бы его, если б не уронила листок за сейф. Он находился в таком месте, которое могли бы пропустить при обыске, а оружейный сейф слишком большой и тяжелый, чтобы сдвинуть его в одиночку.

Подбираю упавшую квитанцию и кладу ее в рюкзак вместе с накопителем.

– Нашла что-нибудь? – окликает меня Сэм.

– Квитанции, какие-то распечатки и флешку, – отвечаю я. – Компьютера нет, только шнур питания. Наверное, он забрал ноут с собой. А у тебя?

Сэм появляется в дверях комнаты. Я не могу прочесть выражение его лица, но что-то в этом выражении заставляет меня отойти от шкафа и направиться к нему.

– Тебе лучше самой увидеть это, – говорит Сэм.

Я знаю, что это мне не понравится, но следую за ним в главную комнату. Все на своих местах, чисто и аккуратно. Я гадаю – быть может, этот тип когда-то служил в армии? Все поверхности надраены до блеска. Если на них и остались отпечатки пальцев, я их не заметила.

Сэм открывает кладовку. Она выглядит как вполне нормальный чулан, достаточно глубокий, чтобы можно было дотянуться до задней стенки. Восемь полок, от пола до потолка заставленные консервами и прочей долго хранящейся едой. Кем бы ни был этот ублюдок из «Авессалома», он любит консервированного тунца и гарниры быстрого приготовления.

Сэм прикладывает палец к губам и нажимает на полки. Те отъезжают назад и в сторону, не издав ни скрипа, и за ними открывается лестница, ведущая вниз. Зажигаются лампы, реагирующие на движение, в их свете я вижу стену, отделанную дешевой имитацией деревянных панелей, а внизу, у подножия лестницы, словно живое существо притаилась стальная дверь с цифровым замком. Я чувствую, как в стылом воздухе от нее распространяется тьма, и в течение нескольких долгих секунд не могу сдвинуться с места. Мне кажется, что эта дверь смотрит на меня, выискивая во мне малейшую слабость.

Стою, парализованная воспоминаниями о камере пыток, которую мой бывший муж так хитро устроил в нашем доме. О подвале охотничьей хижины Лэнсела Грэма в холмах над Стиллхауз-Лейк, где тот любовно воссоздал весь этот ужас.

Это место кажется мне таким же жутким.

Мы медленно спускаемся, осторожно ставя ноги на каждую следующую ступень. Сэм, вероятно, беспокоится о том, чтобы не производить шума, но меня куда больше тревожат возможные скрытые ловушки и растяжки. Это место пахнет смертью. Пахнет угрозой и расплатой.

– Стой, – шепчу я, когда Сэм делает последний шаг вниз. Он находится примерно в четырех футах от двери. Останавливается, прислушивается и оглядывается на меня. Я неотрывно смотрю на стальную поверхность двери и медленно качаю головой: – Что-то не так. Не ходи.

– Гвен...

– Пожалуйста, Сэм. – Меня тошнит и трясет от болезненного желания убраться прочь. – Нам надо уходить. Сейчас же. Немедленно.

Я не экстрасенс, у меня нет ни капли каких-то сверхъестественных сил или способностей, но у меня есть инстинкты. Инстинкты, которые я игнорировала годами, живя с Мэлвином Ройялом. Мне следовало знать, что он делает, какой спектакль ужасов разыгрывается под моей крышей. Но я не догадывалась. По крайней мере, сознательно.

Больше никогда. Я не знаю, что будет, если Сэм прикоснется к этой двери. Но чувствую, что делать этого нельзя. Теперь это задача ФБР, а не парочки взломщиков-любителей. Это место пахнет бедой, и мне кажется, будто за мной наблюдают.

Сэм соглашается с моим решением, и это неоценимый дар; я полагаю, большинство мужчин проигнорировали бы мои предупреждения и продолжили бы действовать по-своему. В итоге мы почти добираемся до верхних ступеней, когда дверь у подножия лестницы с легким шорохом отворяется. До нас доносится тихий, почти неслышный щелчок.

Сэм останавливается. Я не знаю, что сейчас вылезет из-за этой двери, и не хочу знать. Хватаю Сэма за руку и бегу вперед – мимо полок, прочь из кладовки, – волоча его за собой.

Сэм едва минует дверной проем, когда что-то поднимает нас в воздух и с неистовой силой швыряет через всю комнату. Я крестом вскидываю руки перед лицом и поджимаю колени к груди в инстинктивной попытке защитить голову и живот. Едва ощущаю, как меня ударяет о стену, и уж точно не чувствую, как падаю на пол. Просто вдруг оказываюсь лежащей на деревянных половицах и вижу, как комнату наполняет вспышка оранжевого света. Я не понимаю, что это такое. Ощущаю волну жара, а потом крыша вдруг уплывает куда-то вверх, как будто какой-то великан взял и снял ее, точно крышку с коробки. Лампы, которые мы включили, мгновенно гаснут, словно свечи, задутые порывом ветра, и я смотрю на звезды и кроны деревьев, а потом вдруг все, все вокруг оказывается охвачено огнем.

Гвен

Я прихожу в сознание, захлебываясь водой, которую кто-то льет мне на лицо. Вода холодная, меня бьет дрожь, я откатываюсь в сторону и некоторое время просто беспомощно кашляю. Где-то внутри меня включаются ощущения, сообщая о боли в спине, в ноге и в руке. Мой мозг хорошо умеет анализировать такие вещи и сейчас говорит мне, что с ними не случилось ничего слишком серьезного. Надеюсь, он мне не лжет. Голова у меня тоже болит, и это беспокоит меня несколько больше. Во рту такой привкус, словно я вылизывала пепельницу. Слепую хватаю бутылку, из которой кто-то плескал мне в лицо, и споласкиваю рот. Сплювывая воду на землю, потом жадно делаю глоток. Вероятно, это ошибка. Вода падает в мой желудок тяжелым комом, словно я проглотила ледышку.

Поднимаюсь на колени, некоторое время шатаюсь, ища равновесие, потом ухитряюсь встать на ноги. Я нахожусь на поляне, поблизости от деревьев. Сэм стоит на коленях рядом со мной. Выглядит он куда хуже, чем я себя чувствую, – испачканный в крови, текущей из пореза на голове, дрожащий. Пытается встать на ноги, держась за бок. Я помогаю ему. Сэм вздрагивает и прижимает ладонь к ребрам.

– Как мы... – Я оборачиваюсь к хижине.

Она представляет собой пылающий ад. Увидев это, я теряю дар речи, и до меня доходит, что мы были там. Я смотрю словно загипнотизированная. «Как мы выбрались?»

– Это я вас вытащил. Какого черта, Сэм? – произносит незнакомый голос.

Говорит мужчина, стоящий в нескольких футах от нас и глядящий на пожар. Ростом он выше шести футов, одет в черную парку, отделанную стриженным мехом, и сейчас я завидую ему. Когда он слегка поворачивается, на его шее блестит в свете огня золотистый жетон, висящий на цепочке. «Коп», – думаю я и замираю. Но жетон другой, нежели у полицейских. Я не могу сейчас опознать его – мне трудно сфокусировать взгляд. Мужчина этот – афроамериканец; он

говорит с тягучим южным акцентом, который придает его словам оттенок дружелюбия, хотя я вижу, что этот человек пристально изучает меня, просчитывая, взвешивая и оценивая. Он одет в пуленепробиваемый жилет – я вижу это, когда ветер доносит со стороны горячей хижины порыв жаркого воздуха и распахивает полы его парки.

ФБР. Так гласит надпись на бронежилете.

– Майк Люстиг, – представляется он. – А вы оба – парочка чертовых идиотов. Что произошло? – Он адресует этот вопрос не мне, и Сэм, вздрагивая от боли, переступает с ноги на ногу.

– В общем и целом или тебе нужен какой-то конкретный ответ?

– Ты сказал, что вы собираетесь осмотреть окрестности. Так какого хрена вам понадобилось внутри?

В голове у меня слегка проясняется. Майк Люстиг, друг Сэма из ФБР... Он продолжает ругаться, наращивая интенсивность, и я хочу, чтобы он понизил голос, потому что в ушах у меня непрерывно звенит, а голова пульсирует словно аудиоколонка на басовых ритмах.

– Там была установлена ловушка, – объясняю я ему. – Внизу, в подвале. Мы не открывали дверь, это сделал кто-то другой. Нам повезло, что мы убрались из потайного хода прежде, чем оно рвануло.

– Не просто повезло, – поправляет Сэм. – Ты почуяла эту ловушку, а я – нет.

Майк переводит взгляд с меня на него и обратно.

– И вы не знаете, что было в той потайной комнате?

– Нет.

– Да мать вашу!.. – бросает он. – Он мог прятать там что угодно. Даже пленников.

Мне становится холодно.

- Вы хотите сказать... что там, внизу, кто-то был? Кто-то, кого мы могли спасти?

Люстиг просто смотрит на нас. Наконец Сэм неловко шевелится и спрашивает:

- Ради бога, Майк, что ты вообще знаешь об этом типе?

Тот игнорирует его вопрос.

- Мне нужно отвезти вас в город для осмотра. Твою рану придется зашивать. И еще посмотреть, что с твоим боком, - похоже, ты ребра сломал. А как вы, мисс Проктор?

- Не увиливай! - гаркает Сэм.

Майк смотрит мимо нас на пылающую хижину. Я понимаю, что тут уже не сделать ничего: строение проваливается внутрь себя. Люстиг вздыхает.

- Это привлечет внимание. Пожарная команда наверняка уже мчится сюда - в этих местах к пожарам относятся серьезно. Едемте. Я допрошу вас в машине. - Он поворачивается и идет прочь, в лес.

В течение долгой секунды я просто стою на месте, пытаюсь осознать, что случилось и что творится сейчас. Все это кажется полной бессмыслицей. Может быть, у меня просто шок или же мой мозг как следует встряхнуло в черепной коробке?

Сэм кладет мне руку на плечо, без слов потирая мое плечо и идти вслед за агентом, но я всё оглядываюсь на огненный ад, выбрасывающий искры высоко в небеса.

Что было в той комнате? Кто эти люди, черт побери? Это не просто хакеры. И не просто шантажисты.

Я не уверена, хватит ли у меня смелости для того, чтобы узнать ответ на этот вопрос.

* * *

Мы устраиваемся на заднем сиденье внедорожника, на котором приехал агент ФБР; здесь мне одновременно уютно и тревожно – я совершенно уверена, что дверцы не откроются, если потянуть за ручку. Майк наливает мне крепкого черного кофе из термоса и выходит из машины, чтобы позвонить кому-то. Я жадно пью кофе, не столько ради вкуса, сколько ради тепла. Сэм молчит, молчу и я. Мы смотрим на пожар, все еще различимый сквозь негустой лес, а вверх по склону горы в нашу сторону мчится вереница мигающих красно-синих огней.

Наконец я произношу:

– Значит, это твой друг, агент Люстиг.

– Да, мы служили вместе, – отзывается Сэм. – Он вступил в ФБР, а я продлил контракт в армии. – Смотрит на пожар, но взгляд его неожиданно смещается на Люстига, который говорит по телефону; агент расхаживает туда-сюда около машины, возможно пытаюсь не замерзнуть, но я не могу отделаться от мысли, что этим он пытается унять тревогу. – Он знает что-то, чего не говорит нам.

– Я это поняла, – соглашаюсь я и вздрагиваю, когда пытаюсь найти положение, в котором боль немного ослабевает, однако она лишь делается острее. Сомневаюсь, что у меня что-то сломано, однако все мышцы, похоже, сильно ушиблены. – Тебе не приходило в голову, что он использует тебя точно так же, как ты используешь его?

Я думала, что Сэм не ответит мне, но он отвечает. Произносит, не отводя глаз от Люстига:

– Он хороший человек.

– Из-за него нас могут убить, – говорю я.

– Нет, – возражает Сэм и смотрит на меня в упор. – Нас едва не убили из-за тебя. Мы должны были оставаться снаружи, а не вламываться внутрь. Ты сама захотела это сделать.

Он прав. Я злюсь, потому что он прав, и знаю, что это неправильная реакция, поэтому прикусываю губу и стараюсь удержаться и не разжигать спор дальше. Я измотана, у меня все болит, и где-то внутри таится жуткое чувство – как будто мы положили начало чему-то, что не сможем контролировать. И что мы с этого получили? Почти ничего. Рюкзак, набитый квитанциями, скорее всего, не наведет нас на что-либо полезное.

Мой голос немного дрожит, когда я говорю:

– Как ты думаешь, что было в той комнате...

– Не заговаривай об этом, – приказывает Сэм, обнимая меня одной рукой. Это неожиданно, однако приносит облегчение. От нас обоих пахнет вонючим дымом, но мне все равно. – Мы не можем узнать, что он прятал там, и он сделал все, чтобы не позволить нам обнаружить это.

– Что, если там был кто-то...

– Нет, – твердо говорит Сэм. – Ты начнешь жрать себя саму, если будешь думать об этом. Не думай.

Я чувствую, что он не хочет представлять себе это. Но представляю, потому что должна: девушка, возможно ровесница тех, кого выбирал в жертву Мэлвин. Запертая там, внизу, быть может, связанная. Обреченная сгореть, если кто-то подойдет достаточно близко, чтобы найти ее.

– Может быть, это был он сам? – предполагаю я. – Может быть, он прятался в подвале и открыл дверь?

– Эта мысль радует больше, – соглашается Сэм, однако качает головой. – Я смотрел на дверь, когда она открылась. Дверная ручка не поворачивалась. По ту сторону никого не было. Это было похоже... на действие устройства удаленного управления.

– Ты имеешь в виду, что мы заставили сработать какой-то датчик?

– Может быть. Но... может быть, кто-то наблюдал за нами. Ждал, пока мы клюнем на приманку. А когда мы этого не сделали...

Это верно; я понимаю, что головоломка сходится. Когда мы спускались по той лестнице, у меня было неистовое ощущение того, что за нами следят. И я оказалась права. Кто-то смотрел на нас посредством камеры наблюдения. Вероятно, такие камеры были скрытно установлены во всем доме. Но действовать он начал только тогда, когда мы нашли потайную комнату в подвале.

– Он наблюдал, – соглашаюсь я. – И был где-то снаружи. Он мог удаленно открыть дверь и устроить взрыв. Он должен был находиться где-то поблизости.

– Не обязательно. Он мог устроить все это через Сеть. – Сэм коротко улыбается мне. – Так же как ты следила за всем через камеры, установленные в твоём доме.

Он прав. Я использовала камеры с передачей данных через Интернет, чтобы видеть, что творится в моём доме в Стиллхауз-Лейк; я могла удаленно загружать данные с этих камер откуда угодно. Такие устройства сейчас общедоступны, их можно купить где угодно.

– А дверь?

– Некоторые устройства безопасности, работающие через вай-фай, позволяют отпирать и запирают двери, – объясняет Сэм. – Вероятно, он наблюдал за нами с того момента, как мы вломились в дом. Когда нашли потайную лестницу, он ждал, чтобы мы спустились и открыли дверь. Вероятно, на ней было установлено устройство срабатывания бомбы; наверное, сам он, прежде чем пойти туда, подает какой-то сигнал, отключающий это устройство. Но когда мы не клюнули на эту приманку...

– Он взорвал бомбу вместо нас, – довершаю я. – Так что он может быть где угодно. Мы ничего не добились.

– Не факт, – возражает Сэм, кивая на рюкзаки, которые мы скинули на пол машины у нас под ногами; они набиты бумагами. Надеюсь, это хоть что-то даст. – Гвен, не забывай...

Что бы он ни собирался сказать мне, его прерывает Люстиг, который распахивает дверцу внедорожника и говорит:

– Ну ладно, вот что нас ждет. Сейчас тут будет ад с чертями, и на нас польются потоки дерьма. Окружные шерифы, пожарные, «Скорая помощь». Я собираюсь заявить, что дело попадает под федеральную юрисдикцию. Вас обоих отвезут в больницу, но, пока я туда не приеду, вы оба чтобы даже пальцем не шевелили и не отвечали ни на один вопрос. Ясно?

– Майк, во что мы вляпались? – спрашивает Сэм.

Во взгляде, который Майк Люстиг бросает на него, читается сложносоставное послание: первая часть его гласит «не здесь», потом он мимолетно косится в мою сторону, давая понять, что не хочет обсуждать при мне этот вопрос. А как же иначе? Майк знает, кто я такая. И кто такой мой бывший муж. Вероятно, он доверяет мне ничуть не больше, чем верит в то, что сможет опрокинуть танк «Шерман». И это честно. Я же не доверяю ему совсем, и от того, что у него есть жетон и пистолет, а двери машины не открываются изнутри, у меня начинается нервная почесуха. Он, конечно, друг Сэма. Но не мой друг. Мое доверие не передается по воздуху.

Люстиг снова закрывает дверцу, отсекая поток холодного воздуха, несущего ледяное дыхание близкой зимы, и прислоняется к внедорожнику. Первая из прибывших машин – черно-белый автомобиль окружного шерифа – огибает поворот дороги и тормозит рядом с нами. Сирены выключены, но вспышки проблескового маячка на крыше поочередно заливают все вокруг то кроваво-красным, то мертвенно-синим светом, и в их свете даже лицо Сэма кажется мне каким-то чужим. Дергаю ручку двери. Она не открывается. Мое сердце начинает колотиться чаще, и я оглядываюсь по сторонам в поисках чего-нибудь, чем я могу воспользоваться. Это рефлекс. «Я могу перелезть на переднее сиденье и выбраться там», – успокаиваю себя. В бардачке может быть запасной пистолет. Если даже и нет, я за несколько секунд могу выбраться наружу и убежать; в этих лесах, да еще и в темноте, им понадобится адова уйма времени, чтобы найти меня.

Этот план побега – чистой воды упражнение для ума. Я проделываю это в любой ситуации, которая хотя бы немного ускользает из-под моего контроля. Я много лет мысленно тренировалась уклоняться, атаковать и сбегать и упражнялась в

этом на практике. От этого зависит моя жизнь и жизни моих детей.

– Так что мы скажем? – спрашиваю я Сэму. – Потому что правда не должна всплыть – по крайней мере, кое в чем.

– Будем придерживаться так близко к правде, как можем, – отвечает он. – Мы пришли искать ответы и обнаружили, что дверь открыта нараспашку. Вошли внутрь, чтобы посмотреть, не нужна ли наша помощь, нашли потайную комнату и едва успели унести ноги.

Это не выставит нас невинными овечками, но и не укажет на то, что мы принесли с собой динамит и взорвали этот домик ко всем чертям, с чем я совершенно согласна. Я киваю. «Дверь была открыта нараспашку». Мысленно рисую себе эту картину – как мы осторожно подходили, окликали, нет ли кого в доме, высматривали, не лежит ли там кто-нибудь раненый. Я представляю себе это до тех пор, пока оно не становится настолько реальным, что можно считать это правдой, и продолжаю представлять, пока оно не делается единственной правдой, а все остальное – просто туманной вероятностью. Это единственный способ лгать настойчиво и убедительно: ты сам должен в это верить.

Поэтому я заставляю себя поверить в это. Конечно, если дверь сгорела не до конца и они смогут определить, что та была заперта, то мы попали. Но учитывая ад, в который превратилась хижина, полагаю, на этот счет можно не опасаться.

Вокруг нас останавливается все больше машин, преграждая нам дорогу: два пожарных экипажа, одна «Скорая помощь», еще один внедорожник официального вида – возможно, лесная служба. Пожарные тянут шланги через лес в направлении пожара, и я слышу наверху жужжание моторов какого-то легкого летательного аппарата: видимо, с неба следят, чтобы огонь не пошел дальше.

Проходит почти целый час, прежде чем зарево пожара полностью угасает, и теперь ночь освещают лишь фары и проблесковые маячки автомобилей экстренных служб. Они раскрашивают сцену в мерцающие фиолетовые тона, потому что красные и синие лампы всех этих машин мигают не в лад. Через некоторое время я закрываю глаза, чтобы не видеть этого раздражающего мерцания, поэтому оказываюсь застигнута врасплох, когда дверца рядом со мной неожиданно распаивается. Быстро выпрямляюсь и вижу перед собой

молодого тощего афроамериканца в плохо сидящей медицинской форме.

– Мэм, – произносит он с сильным джорджийским акцентом, – мне нужно осмотреть вас. Вы сможете пройти со мной к нашей машине?

– Конечно, – отвечаю я и вылезая из внедорожника, испытывая легкий прилив облегчения. Удирать все-таки не потребовалось.

Еще один санитар ведет Сэма, нас усаживают на подножку «Скорой помощи» и осматривают. У Сэма диагностируют сотрясение мозга средней тяжести и треснувшие ребра; медики говорят, что его направят в больницу. С учетом моей головной боли мне предлагают то же самое, однако я ни за что не хочу оставлять наши сумки во внедорожнике Майка Люстига или оставаться без собственного транспортного средства. Я отказываюсь. Пока Сэма грузят в машину «Скорой помощи», я переносу наши вещи во взятую нами напрокат машину; по счастью, она припаркована у обочины достаточно далеко, чтобы я могла миновать блокирующие путь автомобили.

Я уже наполовину объезжаю эту преграду, когда у меня на пути возникает Майк Люстиг, и мне приходится резко нажать на тормоза, чтобы не стукнуть его бампером. Когда я останавливаюсь, он подходит к моей дверце и стучит в стекло. Я опускаю стекло и говорю агенту:

– Я еду в больницу. Буду ждать вас там.

– Отлично, – он кивает. – Нужно, чтобы вы оба оказались правы в этом деле. Вы готовы? – Его взгляд говорит мне, что лучше бы мне быть готовой ко всему. Я киваю. – Не покидайте больницу. Я приеду, как только смогу.

Снова киваю, потом поднимаю стекло и еду следом за машиной «Скорой помощи» вниз по извилистой горной дороге, прочь от дымящихся руин того, что мы надеялись обнаружить.

* * *

Пройдя осмотр у врачей, первым делом сажусь и звоню Хавьеру, хотя еще нет и пяти часов утра. Я не рассказываю ему о пожаре или о нашем почти гибельном

промахе – просто говорю ему, что мы в порядке. Он может расслышать, что я нахожусь в больнице, однако, слава богу, почти не задает вопросов, и мне не приходится лгать.

– Как они? – спрашиваю его. Я разбудила Хавьера и чувствую себя виноватой за это, однако, услышав его голос, сразу же чувствую себя лучше. – Привыкают?

– Пока не знаю, – честно отвечает Хавьер. Он старается говорить тихо, и я слышу шорох одежды и шаги. Представляю, как он накидывает куртку и выходит на крыльцо – теперь я слышу через динамики телефона слабый свист ветра и скрип дерева, когда Хавьер опускается в одно из стоящих там кресел. – Боже, ну и холодыга сегодня! Дети в полном порядке, но не могу сказать, что они счастливы. Понимают, что тебе грозит опасность. Ланни ужасно хочет выбраться из дома. Коннор просто... читает. Это нормально?

– Более или менее, – говорю я. – Передай им, что я люблю их, хорошо?

– Конечно. – Несколько секунд он молчит, потом зевает в трубку. Это заразно, и я тоже зеваю, только сейчас заново осознавая, насколько вымоталась. – Ты вовсе не в порядке, Гвен, я же слышу.

– Достаточно в порядке.

– Скоро ты вернешься?

– Не знаю, – тихо отвечаю я. – Я пытаюсь.

Завершив звонок, ощущаю, как сдавливает грудь, а в горле стоит ком от непролитых слёз.

Спустя долгих восемь часов, проведенных в больнице, Сэму повторно ставят диагноз: трещины в ребрах и легкое сотрясение мозга. Меня предупреждают, что в течение минимум суток голова у меня будет адски болеть (и она уже болит, невзирая на изрядную дозу болеутоляющих таблеток). Сэму перебинтовывают грудь и объявляют, что платить за госпитализацию не нужно, и это хорошо, потому что денег у нас негусто. В коридоре обнаруживаются трое мясистых мужчин в форме, ожидающих нас. Все трое очень похожи друг на

друга: белой расы, массивного сложения; самым большим их спортивным достижением явно была позиция футбольного защитника в старших классах школы. Все трое стрижены под ежик, загар на лицах и руках заканчивается у кромки воротничков и манжет соответственно. Темнокожий Майк Люстиг в своей фэбээровской броне и с жетоном стоит чуть в стороне, прислонившись к стене и сложив руки на груди. Сейчас, при свете ламп, видно, что у него длинное лицо с дружелюбно-спокойным выражением – судя по мимическим морщинам, он склонен скорее иронически улыбаться, чем сердито хмуриться.

Чего, увы, нельзя сказать об этих трех бульдогах из джорджийской полиции. Они в лучшем случае выглядят бесстрастными, а в худшем – неприкрыто враждебными.

– Мистер Кейд? Миссис Ройял?

– Мисс, – машинально поправляю я, а потом до меня доходит, что он назвал меня по моему прежнему имени. – И не Ройял. Меня зовут Гвен Проктор.

– Мне сообщили, что вы Джина Ройял, – отвечает он, мрачно дернув уголком губ – даже по ошибке это невозможно принять за улыбку. – Пройдемте со мной, миз[8 - Миз – «госпожа...»; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах; ставится перед фамилией женщины, как замужней, так и незамужней, в том случае, если ее семейное положение неизвестно или она сознательно подчеркивает свое равноправие с мужчинами.].

Оглядываюсь на Майка Люстига. Тот, пожимая плечами, произносит:

– В этой драке мои собаки не участвуют. Идите.

Мы с Сэмом коротко переглядываемся, и я киваю ему, давая понять, что всё в порядке. На самом деле я не знаю, всё ли в порядке, но нет никакого смысла и никакого прока затевать войну здесь, в коридоре. Вслед за полицейским сворачиваю за угол, в тихую комнату ожидания, и он жестом указывает мне на стул в углу. Это самое дальнее место от выхода, но я автоматически просчитываю пути побега, просто ради практики. Агент Люстиг за нами не последовал.

Как ни странно, полицейский почти сразу выходит, закрыв за собой дверь. Я смотрю на свои часы и начинаю отсчет. По моим прикидкам, он должен мариновать меня по меньшей мере час. Это стандартный прием. Чем сильнее человек устал и сбит с толку, тем больше шансов на то, что он проболтается.

Полицию Джорджии явно инструктировали, что оптимальный срок – два часа, потому что возвращается он почти в три часа дня. Втискивается в кресло напротив меня – слишком близко, чтобы я чувствовала себя уютно. Полагаю, он намерен напугать меня. Но меня это просто раздражает. Если он действительно знает, кто я такая, то, несомненно, должен понимать, что для меня запугивание выглядит совершенно иначе. От него пахнет потом и дымом, значит, он был в той хижине, точнее, на том месте, где она была прежде. На левом рукаве у него маленькое пятно, похожее на засохшую кровь, и, увидев это пятно, я уже не могу отвести взгляд. Он спасал кого-то? Или кого-то бил? Хотя иногда приходится бить одного человека, чтобы спасти другого...

– Итак, – обращаюсь я к нему, – офицер...

– Тёрнер, мэ.м.

– Офицер Тёрнер, назвать меня по давно мертвому имени – это попытка давления или просто ошибка?

Он подается вперед, хрустнув пластиком кресла, и смотрит на меня ничего не выражающим взглядом человека, который уже не первый год состоит на службе закона. Явно прикидывая: какой подход ему избрать – оскорбления или сельский шарм? Ни то, ни другое на мне не сработает, но в целом интересно наблюдать за его внутренними дебатами.

Он решает прибегнуть к сельскому шарму, и, когда заговаривает снова, голос его делается теплее и становится чуть более тягучим; офицер даже ухитряется изобразить беспечную улыбку.

– Должен признать, мэ.м: я подумал, что это может вывести вас из равновесия. Прошу прощения, если обидел вас. Вы не против начать все сначала?

– Конечно, – отвечаю я ему с такой же насквозь фальшивой улыбкой. – Чем могу быть вам полезна, офицер Тёрнер?

– Мне просто нужно, чтобы вы рассказали мне все с самого начала: каким образом вы оказались около той хижины, мэм, как вам пришло в голову войти туда, что случилось потом, и всё такое.

Я вздыхаю.

– Полагаю, я не могу рассчитывать на чашечку кофе с вашей стороны, верно?

Он попадает на это, хотя лишь до такой степени, чтобы выйти в коридор, высмотреть кого-то и, предположительно, заказать для меня кофе. Возвращаясь, широко улыбается. Я собираюсь с силами, чтобы ответить, хотя по-прежнему ощущаю себя невероятно усталой.

– Итак, – произносит Тёрнер, усаживаясь на прежнее место, – о чем вы говорили?

Я подумываю ответить «ни о чем» и потребовать адвоката; я все еще не могу быть уверена, что таковой мне не понадобится. Улики можно истолковать по-разному, и ни я, ни Сэм не планировали, что нам придется отвечать на эти вопросы. Поэтому я говорю:

– Можно сначала задать еще один вопрос?

Он размышляет, потом кивает:

– Задавайте.

– Вы нашли там чьи-нибудь трупы?

Снова несколько секунд раздумья, потом Тёрнер медленно качает головой:

– Я не вправе говорить об этом. Так что именно привело вас к той хижине, мисс Проктор?

Конечно же, ему позволено лгать мне. Это освященная временем традиция проведения допросов, хотя мне до сих пор не зачитали мои права. Это о многом говорит.

Я придерживаюсь истории, которую мы обговорили с Сэмом, и первая ее часть, по крайней мере, правдива: мы надеялись найти какую-нибудь информацию о людях, которые помогают моему бывшему мужу избежать поимки. Тёрнер поднимает брови, но никак это не комментирует. Именно это скажет и Сэм. Мы уже определили, что истина – наша лучшая защита, до некоторой степени... любое другое объяснение вызовет подозрения, учитывая прошлые злодеяния моего бывшего супруга. Я рассказываю Тёрнеру об открытой настежь двери и о том, как мы осторожно проникли внутрь. Именно так, как я отрепетировала про себя.

– И что вы нашли?

– Ничего, – лгу я так же легко, как дышу. Я не намерена отдавать то, что мы вынесли оттуда. – У нас не было времени.

– Вы просто... вошли в дом?

– Дверь была открыта, – тупо повторяю я. – Мы подумали, что он, быть может, ранен, болен или еще что...

– Вам не пришло в голову, что такой человек может застрелить вас на месте за то, что вы явились к нему в дом?

Я пожимаю плечами и ничего не отвечаю. Глупость – еще не преступление. Тёрнер ничего не сможет выжать из этого, не считая, конечно, того факта, что мы с Сэмом оба были вооружены. Но мы носим оружие законно; мы приняли все предосторожности, подтвердив свои разрешения в регистрационных органах штата, и теперь я рада, что мы это сделали. Нам в лучшем случае можно поставить в вину незаконное проникновение. Он не стал бы утруждаться этим, если б не считал, что сможет пристегнуть к этому нечто большее.

Теперь поза и движения офицера Тёрнера гласят «давайте будем честны». Выражается это в том, что он наклоняется вперед, упирается локтями в колени и сплетает пальцы рук.

– Мисс Проктор, прямо сейчас полиция Теннесси обыскивает ваш дом в поселке Стиллхауз-Лейк в поисках чего-либо, связывающего вас и вашего бывшего мужа.

Записи ваших телефонных разговоров подвергаются анализу. Мы знаем, что вы приезжали навестить его перед тем, как он сбежал. Вам есть в чем признаться, прежде чем мы получим результаты всех этих поисков? Быть может, это облегчит вашу участь...

Любительская игра. Я не один год видела такое со стороны следователей куда более опытных – и злобных, – чем он. Несколько секунд задумчиво смотрю на него, потом говорю:

– Я ненавижу Мэлвина Ройяла. Он охотится за мной, офицер Тёрнер. Вы знаете, каково это? Каково мне знать, что я снова подвергаюсь опасности? Что мои дети снова подвергаются опасности? Вы действительно думаете, что я захочу помочь ему? Если вы поставите его передо мной и дадите мне пистолет, я без колебаний всажу пулю в башку этому человеку.

Я имею в виду именно то, что говорю, до последнего слова, и мои эмоции, вложенные в эти слова, настолько сильны, что у меня перехватывает дыхание.

Тёрнер медленно откидывается назад, положив руки на колени. У него холодные, безжалостные глаза. Такие глаза словно выдают всем копам вместе с полицейским жетоном – глаза, которые постоянно вбирают все вокруг и ничего не отдают обратно. При всех его неуклюжих провинциальных манерах, он – акула.

В дверь стучат, и Тёрнер поднимается, чтобы взять два картонных стаканчика с кофе. Один он протягивает мне, и я с признательностью обхватываю стаканчик замерзшими ладонями. Этот кофе так плох, что его сам по себе можно считать преступлением против человечества, но он, по крайней мере, теплый и перебивает навязчивый больничный запах. Это место пахнет страхом, отчаянием и скукой, невымытыми телами, вонь которых впитывается в постель. В дальнем конце комнаты ожидания отведено место под крошечный, печальный игровой уголок для детей. Сейчас он пустует, но я думаю о Ланни и Конноре, которым было всего десять и семь лет соответственно, когда машина врезалась в гараж Мэлвина, явив всему миру творимые им ужасы. В моей памяти они всегда останутся детьми этого возраста. Этого уязвимого, хрупкого возраста.

– Вы не хотите сказать мне, что было в том подвале? – спрашиваю я Тёрнера, внезапно устремляя на него пристальный взгляд. Это заставляет его чуть

заметно вздрогнуть. – Потому что этот тип явно не хотел, чтобы кто-либо это увидел, что бы это ни было.

– Подвал сильно пострадал, – отвечает коп. – Некоторое время вряд ли кто-то сможет спуститься туда и осмотреться как следует. Прежде чем это будет безопасно, пройдет немало времени. Мы все еще можем найти трупы.

Я надеюсь, что нет. Отчаянно надеюсь. Киваю, потом одним жадным глотком допиваю остаток кофе.

– Верно. Что ж, мне нужно идти. Спасибо за кофе.

Тёрнер встает вместе со мной и преграждает мне путь. Я стою, глядя на него, потом позволяю уголкам своего рта чуть-чуть дрогнуть, изгибаясь вверх.

– Если только вы не хотите меня арестовать.

У него нет на меня ничего конкретного, и он это знает. Поэтому прибегает к явному блефу, говоря:

– Сядьте, мисс Проктор. Нам еще есть о чем поговорить.

Я не отвечаю. Просто иду на него. В последний момент Тёрнер отодвигается в сторону. Незаконное задержание не принесет ему ничего хорошего, и он достаточно умен, чтобы понять: ему не убедить меня в том, что у него есть на меня дело. Да, хижина сгорела. Да, я была в ней. Но есть явные признаки того, что это место было заминировано, и мне повезло выбраться живой, и у полиции есть множество соблазнительных улик для анализа, которые не имеют никакого отношения ко мне и к моему возможно-но-необязательно-незаконному проникновению в эту хижину.

Прохожу мимо него, не замедляя шага. Он бросает мне в спину:

– Мы еще побеседуем, миссис Ройял.

Это не более чем прощальный плевок, и я не достаиваю его даже поворотом головы. Продолжаю идти и, шагнув за порог, ощущаю, как с моих плеч

сваливается тяжесть. Делаю резкий вдох, все еще ощущая запах кофе, который я только что выпила, бросаю пустой стаканчик в урну и иду искать, куда поместили Сэма.

Он все еще беседует с другим полицейским, а когда я пытаюсь найти Майка Люстига, выясняется, что его нигде нет. Мне это не особо нравится. Мне не нравится, что он бросил нас здесь, предоставив разгребаться с этим самостоятельно. Я нахожу кресло и усаживаюсь в него, глядя на дверь и наблюдая, как ползут стрелки часов. Допрос Сэма длится как минимум вдвое больше, чем мой, и когда тот наконец выходит в коридор, уже почти шесть. Сэм не выглядит встревоженным; он допивает кофе из такого же бумажного стаканчика. Большим глотком опустошив его и отправив в мусор, останавливается рядом со мной.

- Ты в порядке? - спрашиваю я его.

- Ничего такого, с чем я не мог бы справиться, - отвечает Сэм. В глубине его глаз бушует шторм. Я гадаю, что такого сказал ему коп. Должно быть, что-то не очень приятное.

- Где твой приятель Майк? Что-то нам от него никакого прока...

- Да, - признаёт Сэм. - Ему пришлось уехать и вернуться на место событий.

- И что он сказал тебе, если вообще что-то сказал?

- Отправляться домой, - отвечает Сэм. - И забыть о том, что это вообще случилось.

Я уверена, что это означает «возвращайтесь в Стиллхауз-Лейк». Ну да, и сидеть в засаде с оружием наготове, потому что мой муж идет за нами... Но, пытаюсь представить себе это, я не в силах вообразить себе нашу успешную оборону. Я вижу, как он возникает у нас за спиной словно злой дух. Я вижу, как он убивает Хавьера и Кецию. Я вижу Сэма, лежащего мертвым на полу...

Я вижу себя и своих детей, оставшихся в одиночку против тьмы, которую несет в себе их отец. И не уверена в том, что смогу спасти их.

– Мы не можем просто взять и сдать, – говорю я. – Давай сначала посмотрим на то, что мы нашли. Люстиг скажет нам, что они обнаружили в том подвале?

– Может быть, – отвечает Сэм, и это как-то не придает мне энтузиазма. – Может статься, я спалил этот мостик тем, что мы сделали. Посмотрим... Нет, не извиняйся. – Я уже открываю рот, чтобы сделать именно это, и теперь быстро захопываю его. – Ради того, чтобы добраться до Мэлвина, я сжег бы все мосты, которые когда-либо построил. Пойми это.

Я гадаю, входит ли в этот список мостик, который мы так тщательно возводили между нами. Большую часть времени мне кажется, что я понимаю Сэма. Но когда доходит до такого... может быть, я обманываю себя. Может быть, несмотря на все, что он сделал для меня и моих детей, несмотря на тот факт, что в его присутствии я позволяю себе быть открытой и уязвимой, и он всем своим поведением дает понять, что ценит это... возможно, в конце концов, если перед ним встанет выбор – спасти меня или добраться до Мэлвина, – он переступит через меня, чтобы вцепиться в глотку моему бывшему мужу.

И это достаточно честно. Быть может, я поступлю точно так же. Вероятно, и к лучшему, что мы не обсуждали этот вопрос.

Вокруг толпятся люди в форме, но никто не препятствует нам выйти наружу. Наша машина по-прежнему стоит на парковке, все так же запертая. Сэм переводит дыхание, когда мы выворачиваем на основную дорогу, и прибавляет скорость – в пределах разрешенного ограничения, – направляясь на юг.

– Верно, – говорит он. – Давай уберемся отсюда. Куда поедем?

– В следующий город по шоссе, – отвечаю я. – Будем держаться поблизости, но не под самым носом у них. Нужно найти мотель. – Я хочу добавить «какой-нибудь недорогой», но обрываю себя. Обычно я так и делаю, но, если Мэлвин в курсе случившегося, они с «Авессаломом» будут искать нас. В этом регионе выбор все равно невелик. И сначала они проверят все дешевые мотели, где можно остановиться анонимно. – Что-нибудь, где в стоимость проживания включен завтрак. Свернем с наторенной тропы.

Сэм кивает и перебрасывает мне брошюру.

– Купил в сувенирном киоске в больнице, – поясняет он. – Там должны быть рекламные объявления.

6

Коннор

Офицер Грэм велел мне: «Никому не говори об этом», и я не сказал. Не то чтобы я не знал, что офицер Грэм был плохим человеком, – я это знал. Он до чертиков напугал нас. И сделал нам больно, когда выволакивал нас из нашего дома.

Но я никому не сказал – из-за того, что он дал мне. Я знаю, что мама забрала бы это, а я на такое не согласен.

Я оставил телефон, который дал мне Лэнсел Грэм, выключенным. Я пытался позвонить по нему еще тогда, в подвале той хижины, но там не было приема. Когда мама нашла нас, я выключил его и вытащил батарейку, потому что не хотел, чтобы он зазвонил, и не хотел, чтобы кто-нибудь выследил нас по нему.

На самом деле я не знаю, почему просто не выбросил его, или не закопал, или не сказал кому-нибудь о нем... вот только он – мой.

Офицер Грэм сказал: «Это от твоего папы и только для тебя, Брэйди. Больше ни для кого».

Мой папа прислал мне что-то в подарок, и хотя я знаю, что должен избавиться от этой вещи, я не могу. Это единственное, что у меня есть от него. Иногда я представляю, как он стоит в магазине, смотрит на все эти телефоны, и выбирает, и находит тот, который, как он считает, должен мне понравиться. Быть может, всё было совсем не так, но мне представляется именно так. Что он заботился обо мне. Думал обо мне.

Хорошо, что этот телефон выглядит почти так же, как тот, дешевый, который у меня уже есть. Они оба такие, что не жалко использовать их и выкинуть, но я научился различать их на ощупь: тот, что дала мне мама, немного шершавый, а

папин – гладкий, как стекло. У них одинаковый разъем для зарядки. Я держу их оба заряженными – просто кладу один под кровать заряжаться, а второй беру с собой.

Но я не включаю папин телефон. Просто храню его выключенным и ношу аккумулятор с полным зарядом в кармане.

Я как раз достаю из кармана папин телефон – не для того, чтобы воспользоваться, просто посмотреть на него, – когда в дверях моей комнаты возникает Ланни и спрашивает:

– Эй, ты заходил в мою комнату?

Я уже чувствую себя виноватым, и когда слышу ее голос, мне кажется, что на меня направили прожектор – ярко-белый и очень горячий. Я роняю папин телефон и смотрю, как он катится по полу прямо к ее ногам. Во рту у меня пересыхает. Я до смерти боюсь, что она сейчас нахмурится и скажет: «Это не твой телефон, где ты его взял?» – и всё будет кончено, все разозлятся на меня за то, что я не сказал о нем сразу же, и снова будут смотреть на меня так. Как будто думают, вдруг я на самом деле такой же, как он.

Но Ланни только фыркает, произносит:

– Ну ты даешь, мистер Руки-Крюки, – и пинком отправляет телефон обратно в мою сторону. Я поднимаю его и сую в карман. Руки у меня дрожат. Ногой подталкиваю мамин телефон, все еще стоящий на зарядке, поглубже под кровать. Ланни его не видит, это точно. – Так ты заходил в мою комнату?

– Нет, – отвечаю я ей. – Зачем мне туда заходить?

– Моя дверь была открыта.

– Ну, это не я.

Ланни скрещивает руки на груди и хмуро смотрит на меня, давая понять, что ее это не убедило.

- Тогда почему у тебя такой виноватый вид?

- И ничего не виноватый! - заявляю я, понимая, что голос мой как раз звучит виновато. Я плохо умею лгать.

- Ты взял оттуда что-нибудь? Смотри, я сейчас устрою у тебя обыск!

Уже не раздумывая, я вскакиваю с кровати, отталкиваю ее назад и закрываю дверь. Дверь запирается на замок, и это хорошо, потому что Ланни сразу же начинает дергать ручку.

- Я с тобой не разговариваю! - кричу я ей и ложусь на кровать.

Достаю из кармана папин телефон и кручу его в пальцах. Экран у него темный.

Я долго смотрю на него, потом лезу в карман и достаю аккумулятор. Открываю заднюю крышку телефона и вставляю батарейку, потом кладу палец на кнопку «Вкл». Ланни ушла - скорее всего, жаловаться кому-нибудь, какой я гад. Обычно она жаловалась маме. Обычно...

Я осторожно давлу на кнопку, но недостаточно сильно, чтобы та сработала. Что будет, если я включу телефон? Узнает ли об этом папа? Позвонит ли он мне? Зачем ему вообще нужно, чтобы у меня был этот телефон?

Но я знаю зачем. Затем, что он может выследить местонахождение этого телефона, когда тот включен. Он может найти нас и маму, и я не могу так поступить.

«Но это займет какое-то время, - говорит мне часть моего мозга, та часть, которая учитывает все риски и говорит мне, что безопасно, а что нет. - Он не сможет выследить вас, если ты просто включишь его, проверишь и снова вынешь батарейку. Это не магия».

Может быть, это и правда. Скорее всего, правда. Я могу включить телефон и проверить, не звонил ли папа мне, не отправлял ли эсэмэски. В этом нет ничего такого, верно? Я не стану читать никакие сообщения. Или слушать голосовую почту. Я просто проверю.

Я снова провожу пальцем по кнопке и жму на нее, на этот раз чуть дольше. Мне кажется, недостаточно долго, потому что, когда я отпускаю ее, экран по-прежнему темный.

А потом телефон жужжит у меня в руке, словно какое-нибудь насекомое, собирающееся ужалить меня. Экран загорается, на нем пляшущими буквами всплывает надпись ПРИВЕТ, потом ПОИСК СЕТИ.

Я не могу дышать. Сердце у меня болит, и я сгибаюсь, будто кто-то ударил меня в живот, но не могу отвести взгляд от экрана, который меркнет и зажигается снова, и на нем возникает маленький набор иконок, настолько мелких, что я почти не могу разобрать их, но я вижу, что на этот номер не приходило никаких звонков. Никаких голосовых сообщений.

Никаких эсэмэсок.

Я щелкаю по иконке КОНТАКТЫ. В память телефона вбит один-единственный номер.

Номер папы.

Я должен остановиться. Немедленно. Должен остановиться и отдать этот телефон кому-нибудь. Взрослым, а не Ланни, потому что та просто разобьет его о камень. Если мистер Эспарца и мисс Клермонт получают папин номер телефона, может быть, они смогут найти его прежде, чем он причинит кому-нибудь вред. Прежде чем мама найдет его или он найдет маму.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Сквиртл – покемон, существо из серии игр, манги и аниме «Покемон».

2

Троллинг – форма социальной провокации или издевательства в сетевом общении, использующаяся как персонифицированными участниками, заинтересованными в большей узнаваемости, публичности, эпатаже, так и анонимными пользователями без возможности их идентификации.

3

Шарлотта Земляничка – главная героиня одноименного детского мультфильма.

4

Калавера – мексиканский символ Дня мертвых, изображение черепа с цветочными и геометрическими узорами.

5

Норман Бейтс – вымышленный персонаж, психопат, страдающий раздвоением личности, герой знаменитого триллера Альфреда Хичкока «Психо» и его сиквелов. По сюжету, содержал мотель, в котором совершались таинственные

убийства постояльцев.

6

«Бедбаг сентрал» – служба по борьбе с клопами в США.

7

Джон Уильям Колтрейн (1926–1967) – выдающийся американский джазовый саксофонист и композитор.

8

Миз – «госпожа...»; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах; ставится перед фамилией женщины, как замужней, так и незамужней, в том случае, если ее семейное положение неизвестно или она сознательно подчеркивает свое равноправие с мужчинами.

Купить: https://tellnovel.com/ru/keyn_reychel/temnyy-ruchey

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)